

Ольга Роман

**В бизоновых
травах
прерий**

*Приключенческая
повесть
от православного
автора*

Ольга Роман

**В бизоновых травах прерий.
Приключенческая повесть
от православного автора**

«Издательские решения»

Роман О.

В бизоновых травах прерий. Приключенческая повесть
от православного автора / О. Роман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500109-2

У него серо-голубые глаза и его капитанские погоны. А еще она такая зеленая, эта бизонова трава. Старая, давняя как мир история, старые, давние как мир нравы и страсти. Ничего нового. Это просто всего лишь Америка середины XIX века. Всё как всегда. На Диком Западе — как на Диком Западе. Завтра всё пропадет задаром, ни за цент и ни за копейку. Но на этот раз все решают не кольты, ножи и стрелы. Все решают вечные ценности Православия. В высказываниях святых Отцов.

ISBN 978-5-00-500109-2

© Роман О.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. От Манассаса до Миннесоты	6
Глава 1. Три друга	6
I	6
II	6
III	7
IV	8
Глава 2. От Манассаса до Ричмонда	10
I	10
II	11
III	11
IV	12
V	13
VI	14
VII	15
VIII	17
IX	19
X	20
XI	21
Глава 3. Параллельные жизни	24
I	24
II	25
III	26
IV	27
V	28
VI	29
VII	30
Глава 4. Первые приключения	31
I	31
II	33
III	36
IV	39
V	42
VI	42
VII	45
VIII	46
IX	46
«Блажен муж...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

В бизоновых травах прерий Приключенческая повесть от православного автора

Ольга Роман

© Ольга Роман, 2019

ISBN 978-5-0050-0109-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. От Манассаса до Миннесоты

Глава 1. Три друга

I

– Когда мы уже перестанем отступать перед этими конфедератами?

Вопрос повис в воздухе. Это было второе крупное поражение Севера, и снова кровь смешалась со стальными водами реки Булл Ран, снова оказался Манассас для северян таким же, как и в прошлую битву – напрасное и бессмысленное противостояние, бесславное бегство смешавшихся полков. Отступившие силы стояли теперь в укреплениях под Вашингтоном, и среди людей то тут, то там по различным отрядам то и дело возникали подобные разговоры¹.

– Как есть – так есть, Джеймс, – помолчав, отозвался на вопрос говорившего его товарищ, тоже офицер северянин, но с другими, не как у того, синими, но с темными, серыми глазами.

– Но зато ведь даже и *«врата адовы не одолеют нас»*², – продолжил Джеймс Грейсли.

– Да, – вспомнил и его собеседник, смысленный, решительный Уильям Вингстон. – Ладно, Джейми, давай не будем насмешничать, – заметил он. – Как сказано в Притчах Соломоновых: *«При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои – разумен»* (Притч. 10:19). Никакие события не могут быть поводом, чтобы забывать о том, что написано в Библии.

– Подумать только, Уилли, тебя послушать, так и не понять, почему ты стал выпускником Вест-Пойнта³, – заметил его друг. – Наверное, тебе ведь следовало учиться и оставаться где-то в Гарварде⁴, у тебя есть и все способности, и склонность характера. Например, ни я, ни наш Натти вот так, чтобы уметь сказать вслух, никогда ведь не задумываемся.

Вингстон махнул рукой:

– Я и правда почти два года проучился в Гарварде, но потом у меня все получилось так, что я оставил его и перешел в Вест-Пойнт. Такая вот история, – вздохнул было он, но уже снова просто улыбнулся. – Как есть – так есть.

II

Натаниэль Лэйс был третьим боевым капитаном. С серо-голубыми глазами.

Этот день был уже на исходе. Сквозь узкие оконные проемы бревенчатого укрепления лился сейчас предзакатный солнечный свет. У Юга не было лишних сил на нападение, южане

¹ Это была гражданская война между Севером и Югом 1861—1865 гг. В январе 1861 г. рядом южных штатов было заявлено о выходе из Союза и своем отдельном и независимом государстве – Конфедерации Штатов Америки (КША). Война началась с большими потерями и поражениями для Севера. После перелома в ходе военных действий в битве при Геттисберге 1—3 июля 1863 года и начала отступления Юга в историю этой войны вместе с тем окажутся вписанными и новые кровавые страницы. 4 мая 1864 года – битва в Глуши. 118-тысячная армия Севера и 60-тысячная армия южан. Сумевшая удержаться оборона Юга и 18 000 человек потерь у федералов, 8000 – у конфедератских войск. 8 – 19 мая 1864 года – битва при Спотсильвейни. 31 мая – 12 июня 1864 года – сражение при Колд-Харбор. Свое дальнейшее развитие события получили уже следующим образом: 18 июня 1864 – 3 апреля 1865 – осада Петербурга и Ричмонда и 9 апреля 1865 года – подпись акта о безоговорочной капитуляции войск Конфедерации.

² The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. p. 193—199

³ Военная Академия Соединенных Штатов Америки, известная также как Вест-Пойнт – высшее федеральное учебное заведение армии США. Была основана в 1802 году (из Википедии).

⁴ Гарвардский университет (Гарвард) – старейший из университетов США (из Википедии).

выигрывали умениями и тактикой, поэтому здесь, почти что в Вашингтоне, было безопасно и ничего не предвещало тревоги, стояли тишина и умиротворение. Короткое, длинное ли это было затишье – никто этого не знал, но пока ничего его не нарушало. И Джеймс Грейсли первым поднялся, и вскоре они все трое оказались за стенами угрюмого строения. Река уносилась за поворот, и ярко золотилась в лучах закатного солнца раскинувшаяся перед ними поляна.

– Как есть – так есть, – согласился Натаниэль. В его взгляде со стальным светом были обычные решимость и сила, но слишком зеленой, слишком сочной была вокруг трава, слишком синим небо, и тайная горечь всё же слегка тронула этот голос.

Уильям Вингстон хотел что-то сказать, но, посмотрев на обоих своих друзей, чуть помедлил. Стойкие, надежные, они ведь бестрепетно и молча пойдут и в огонь, и в воду, и навстречу любой судьбе, но разве могли иметь им большое значение какие-то умудренные высказывания Уильяма Вингстона? У них не было ничего, кроме их стойкости и мужества, и это была суровая, беспощадная и главная правда жизни.

– Во всех наших испытаниях Господь Бог всегда с нами и никогда не оставляет нас, – всё-таки заметил он. – Как все написано: *«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»* (Мф.10:28).

Некоторое время все трое молчали. Река несла свои воды, небо сияло сейчас теплым вечерним светом, щебетали и перекликались птицы где-то в зарослях. Воздух, трава, лесные дали, склоны Аппалачей – всё наполнилось силой, трепетом и жизнью. Но была и другая реальность окружающего мира. Слишком скорбная и слишком полная горести. Вселенская печаль промелькнула в глазах Лэйса. Вселенская печаль без конца и без края... Но он молчал. Он всегда больше молчал во всех подобных чувствованиях и моментах: *«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, нужно удерживать язык, по глаголу псалмопевца: «смятохся и не глаголах»* (Пс.76:5)⁵. Летняя, сочная трава клонилась под береговым ветром. И в одном лишь только могла быть правда на все – в молчаливом принятии любых своих предстоящих судеб.

– Значит, такой уж нам выпал крест, – помолчав, серьезно произнёс наконец Натаниэль. – Потому что нам просто предстоит принять всё, что ни суждено. За свои же грехи – что ж, Бог с нами и Он все видит...

Его голос зазвучал глуше:

– Достойное по делам моим приемлю, – просто сказал он.

III

Ясное и тихое вечернее небо поднималось над рекой и над ближними вековыми деревьями. Уильям удивленно взглянул на Лэйса. Обычно молчаливый, тот столько всего сейчас сказал. В самом деле, что же он знал о нём, об этом всегда спокойном, сдержанном капитане? Только то, что это был надёжный однополчанин с сильным характером и серо-голубыми глазами? Но сейчас на минуту была открыта его душа, честная, откровенная в своих вопросах и порывах.

Джеймс Грейсли сидел на стволе поваленного дерева и тоже посмотрел на друга. Синяя форма удивительно шла ему, наверное, это обуславливалось силой и крепостью его фигуры, серо-голубые глаза сейчас уже снова дружески улыбались, но в другое время случались моменты, когда они становились совершенно стальными, уверенный и спокойный, с великолепными качествами наездника и стрелка, он никогда ни о чём не подавал вида и, казалось, никогда не уставал – такой уж это был характер, лишь только темнел взгляд в нелегкую минуту...

⁵ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Опыт построения исповеди.

Джеймс, всегда беззаботный с виду, порывистый, с глубокой синевой вирджинского неба в своих глазах, застегнул ворот синего мундира, почувствовав, как потянуло с реки вечерней прохладой.

– Натаниэль, – сказал он, – ты ведь вырос где-то на Западе, Натти? И все всегда говорят, что в тех краях всюду только леса, прерии и индейцы. Звезды, небо, трава и солнце. Но ты крещен в православную веру, Нат?

Лэйс кивнул. Когда-то было детство. Он сам, его друзья, маленькие индейцы из ближнего племени дакотов, зеленые просторы земли, и это ведь был для него обычный мир, обычные приключения и жизнь, но как-то все получилось так, что теперь у взрослого Натаниэля кроме солнца, неба, зеленых трав и стойкости была еще и вера в Бога.

Джеймс между тем, сподвигнутый ходом разговора, вспомнил и про себя самого.

– Я ведь тоже в таком же крещении, Натти. Значит, там, где ты родился и вырос тоже были переселенцы из карпато-россов и православный приход. Все-таки не только прерии и индейцы, – улыбнулся он другу.

IV

– Хороши же называются друзья, – прозвучал теперь голос Уильяма Вингстона, про которого двое его товарищей уже успели сейчас позабыть в увлечении своим разговором и воспоминаниями о прошлом.

Но говорил Уильям не о происходившем непосредственно теперь. Просто сам был такой же. Незвестная, незнаемая и никогда ведь не встречаемая посреди всех его друзей или знакомых эта вера. Православная вера.

– Вот так мы, оказывается, ничего не знаем друг о друге, – сказал он.

Джеймс Грейсли заметил тихо и серьезно:

– Яко с нами Бог⁶...

А потом Джейми уже снова превратился в прежнего беззаботного и улыбчивого капитана.

– Пойдемте спустимся к воде, – позвал он своих товарищей. — Там вчера плескалась большая рыба, может, она и сегодня там плавает.

Последние лучи закатного солнца падали на берег, ярким золотом сверкала в этом свете прибрежная трава, яркое золото заливало фигуры троих северян, спускавшихся с речного откоса. Светлоголовые, крепкие, молодые, они были под стать один другому, и даже в характерах, делавшими их такими разными на посторонний взгляд, их отличало друг от друга скорее только то, какие черты в них лежали ближе к поверхности, чем глубинная сущность души. Например, самый младший, живой, непосредственный, открытый Джеймс Грейсли; великодушный и обязательный ко всему и во всем Уильям Вингстон; Натаниэль Лэйс, всегда спокойный, сдержанный и немногословный.

Пройдет время, и у каждого из них окажется свой собственный путь. Джеймс так и останется армейским офицером в Вашингтоне, простым, честным и стойким человеком; Уильям, как и всегда, будет стараться просто забыть и не вспоминать лишний раз свой незаконченный Гарвард, и, наверное, у него это все-таки однажды получится; Натаниэль Лэйс при расформировании полков окажется на Дальнем Западе в прериях Миннесоты, где шелестят на ветру бизоновы травы горечью и величием стойкости...

А пока был великолепный вечер с алым закатом на всё небо, и Джеймс утверждал, что смог бы поймать эту рыбину одними руками, он сто раз проделывал это мальчишкой, главное, чтобы поблизости не оказалось речной черепахи, потому что они очень сильно кусаются и как-то одна такая черепаха укусила его друга. Натаниэль с Уильямом не собирались оспаривать

⁶ «С нами Бог, разумеете, языцы, и покаряйтеся: яко с нами Бог» (из песнопения Великого повечерия).

его славу, они просто смотрели на эту рыбу и на спускающиеся сумерки, и тишина вступала в душу...

Но стояло лето 1862 года, и не одна лишь только вечерняя свежесть тронула холодком вдруг сердца. Они носили синюю форму и капитанские погоны в этой стране, в которой не было мира, Север ли Юг, виноват ли кто или прав, но всяким днем и всяким часом просто своя стойкость да своя доблесть. Если даже и не будет на них уже и никаких сил. Но на это всё они втроем и носили эти капитанские погоны. А еще они ведь носили на груди свои православные нательные крестики. На любые обстоятельства и судьбы...

Глава 2. От Манассаса до Ричмонда

I

От Манассаса до Ричмонда. Пройдет время, и когда-то все станет всего лишь историей, цифрами и статистикой, окажется заключенным в сухие рамки исторической хронологии всех событий, станет просто всего лишь темами для различных исторических исследований и сюжетами всяких художественных книг. Но все мнения и исторические изыскания последующих поколений ничего не значили сейчас для трех молодых капитанов, оказавшихся там, где они оказались, у которых все, что было – лишь вот это небо Виргинии над головой и невысказанная грусть и стойкость души... Солнце, лесистая местность Аппалачей, реки, марши и битвы. В дыму и сумятице всех событий три друга снова и снова шли по кромке огня – и молчали...

Это был первый Манассас⁷, когда они стали боевыми офицерами. Ничего не могло изменить общего хода событий. Смятые и отброшенные, они оказались тогда под Вашингтоном. А дальше отсюда начинался путь от Манассаса до Ричмонда.

Они уцелеют. Они пройдут его до конца. Но торжество Севера при Аппоматоксе будет потом. Через четыре года – вот столько времени, как окажется, займет поход в 113 миль⁸ от Вашингтона к Ричмонду. А сейчас был первый Манассас, и Север бежал. По всем отрядам и со всех участков сражения.

Уильям Вингстон посмотрел на Джеймса. Бой для них был закончен и проигран, но все время до этого момента офицеры старались так направлять отступление, чтоб отступить к оставленным в дальней долине лошадям, и теперь, когда оборона была смята и уничтожена, люди все же могли добраться до своего спасения.

Натаниэль не добрался до спасительного прибежища. Он оказался оттеснен в другую сторону и понял, что уже не успеет. Ничего не успеет. Ни бежать сейчас, ни увидеть завтра еще один рассвет. Все вокруг происходило словно не с ним, словно во сне, и все-таки все происходившее было действительностью.

Лэйс не знал, как все получилось дальше, но все получилось по приказу чужого полковника, почему-то вспомнившего про то, что когда-то он и сам был таким же недавним выпускником с Вест-Пойнта, – и отдавшего сейчас своим людям распоряжение взять командный состав обороны противника живым. Натаниэль отбивался, но силы были слишком неравные, и вот так он теперь оказался задержанным.

Джеймс понял взгляд Уильяма без слов. Какая-то особенная спокойная решимость светила сейчас в темных серых глазах его друга. Наверное, и тот, и другой подумали в это наступившее мгновение об одном и том же. Они бросали сейчас своего товарища в беде, и пусть они ничем не могли помочь ему, но тогда они хотя бы будут с ним рядом и разделят его участь. Ненужная и бессмысленная жертва. Но они вместе удерживали эти рубежи, вместе примут и все дальнейшие события...

Лэйс стоял среди окружавших его конфедератов. Наверное, он уже принял свою судьбу и не собирался пытаться ее менять, спокойно и равнодушно, он ждал. Джеймс и Уильям шагнули на открытое место и встали с ним рядом, плечом к плечу. Ружья и револьверы были отброшены под ноги защитникам Юга.

⁷ Первое сражение при реке Булл Ран, также первое сражение при Манассасе – первое крупное сухопутное сражение Гражданской войны в США. Состоялось 21 июля 1861 года. Второе сражение при Манассасе произошло 28—30 августа 1862 года (из Википедии).

⁸ 1 миля = 1,61 км.

– Зачем, Уилли? Не надо было, Джейми, – в невольной озадаченности глянул Лэйс на своих друзей.

– Как есть, так уж все есть, Натти, – серьезно произнес ему в ответ Джеймс.

Она правда была очень горькая, эта минута, что он стоял сейчас здесь, рядом с Натаниэлем. Но живость, непосредственность характера не оставили Джеймса и теперь. Семь бед – один ответ... Он всегда был таким. А о том, как жалко и как больно – пусть об этом будет знать лишь только эта потоптанная и помятая трава, и его душа, и этот день 21 июля 1861 года...

– Где наша не пропадала, Натти, – улыбнулся он другу. И добавил со своей обычной внешней беззаботностью: – У меня просто фамильная честь, я ведь военный во многих поколениях, Натаниэль, я никак не могу оставлять поля боя, когда простой случайный капитан вроде тебя покидает, оказывается, его последним...

А дальше синеглазый Грейсли уже просто стоял и смотрел. Он знал, что теперь оставалось дальше.

«Отче Мой, – говорил Господь в молитве Своей, – аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не яко же Аз хощу, но якоже Ты» (Мф.26:39); «обаче не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк.22,42)...

II

Сталь, спокойное сияние стали наполняли глаза Натаниэля. Он не думал сейчас о многом. Все было просто и понятно. Вот только ведь ладно, пусть он, но почему и его друзьям такая же судьба? А матери каково будет встретить прискорбное известие о нем? Отцу. И сестре.

«Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Как часто напоминает нам об этом Святая Церковь, нам, маловерным, многопопечительным. Надеемся на милосердие Божье» (Никон Воробьев).

Лэйс наконец вспомнил, он должен был наконец вспомнить.

«Правда, что скорбь окружающих действует на сердце. Если бы не вера в Бога, то жить было бы невозможно. Надо не иметь вовсе сердца, чтобы жить теперь только своими эгоистическими интересами и быть спокойным. Но Господь дает силу все терпеть. Недаром св. Церковь в каждой ектении⁹ призывает нас: „Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим“. Эта надежда, что Господь все видит и всем хочет спасения и блага, хотя и ведет путем скорбей, дает силу все перенести» (Никон Воробьев).

Вместе с тем Натаниэль понял, что отвлекся. Он забыл про себя самого... А он сам? С ним самим что теперь будет дальше?..

«Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим. Тебе, Господи...»

III

«Божже мой, воззову во дни, и не услышиши, и в нощи, и не в безумие мне...» (Пс.21:3)

Они не ждали чудесного избавления. Они были бравыми капитанами и знали: на войне как на войне. А то, что все получилось так, как получилось – ничего другого они и не стоили: *«Далече от спасения моего словеса грехопадений моих...» (Пс.21:2)*

⁹ Ектения – ряд молитвенных прошений во время богослужения, возглашаемых диаконом или священником от лица всех молящихся. Ектения – слово греческое и означает – прилежное моление (по Серафиму Слободскому).

Как сказал когда-то свт. Василий Великий: *«Чему же не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния, меру терпения и всякое из благ, какое не назовешь?»*

Трое друзей просто стояли и ждали, что будет дальше.

Откуда-то наконец появившийся полковник конфедератов окинул пытливым взглядом чужих офицеров и все-таки не смог удержаться от смешанного с недоумением чувства восхищения в своем вопросе:

– Это и правда была ваша оборона? Но как вам удалось так долго удерживать ее, когда все вокруг бежали? Такие ведь юнцы, я ведь наверняка не ошибусь, если скажу, что вы совсем недавно с Вест-Пойнта...

Слава. Пустая и ненужная слава. Они были сейчас героями, но им было все равно.

IV

Он не закусит губ, и не дрогнут ресницы... Он ведь вырастет в прериях, и у него будут все способности и умения стойкого и смелого воина. Воины всегда гибнут молча и бесшумно, а о том, как жалко и как больно – знает только лишь бизон-трава... Он не закусит губ, и не дрогнут ресницы. Он просто вырос в прериях. А еще он просто должен был понимать: *«Достойное по делам моим приемлю...»*¹⁰

У Уильяма Вингстона тоже были свои наклонности и тайны характера. Когда-то он поступал в Гарвард, потом ему пришлось оставить его и перейти в Вест-Пойнт, и к своему офицерскому званию он никогда не испытывал каких-нибудь особенных амбиций или ожиданий. А еще он нашелся сейчас самый первый для ответа.

– Мы здесь не для разговоров, – просто и спокойно заметил Вингстон. – Мы здесь со своими боевыми погонями.

Южанин окинул всех троих испытующим взглядом и вдруг сделал неожиданное предложение:

– Я поражен вашей стойкостью и смелостью, и это в ваши-то юные годы, джентльмены. Знаете, я был бы рад видеть таких замечательных капитанов в нашей серой форме. Зачем вам этот Север, ребята? Вы не за то воюете, вы просто не понимаете сами. Север хочет подмять под себя Юг, и мы пошли на эту войну, чтобы жить так, как мы хотим, чтобы защищать нашу родную землю и свои семьи. Вы не на той стороне.

– Возможно, сэр. Но лучше быть расстрелянным за преданность, чем быть повешенным за предательство, – не удержался Джеймс Грейсли, чтобы не добавить к своему ответу невольной, но спокойной дерзости.

Его ответ не мог не возмутить чужого бригадного командира. Вместо хоть какого-нибудь взаимопонимания, он получил себе в ответ эти слова. Южанин уже подумал повернуть свою лошадь отсюда и оставить судьбу этих гордецов на усмотрение кого-нибудь из своего младшего командного состава.

– У вас своя правда, у нас своя, – заметил между тем и Лэйс. – У вас Юг, но у нас наш Север. Так что мы все равно не договоримся.

О чем подумал полковник в этот момент, когда словно бы опалили его душу своим спокойным светом эти серо-голубые глаза? Он теперь просто махнул рукой:

– Мы победили это сражение, ваш Север разбит и бежит. Забирайте свое оружие и можете идти отсюда. Я не собираюсь расстреливать вчерашних кадетов, и в плену они мне тоже не нужны.

¹⁰ По Игнатию (Брянчанинову). Игнатий (Брянчанинов) епископ Кавказский и Черноморский, святитель. День памяти 30 апреля (13 мая).

Друзья ведь не ждали. Ни на что не надеялись. Они верили и не верили, но были счастливы.

– Наша признательность вам, – поблагодарил Лэйс.

– Топайте отсюда, а то ведь можно и передумать, – попытался принять на себя грозный и враждебный вид южанин. Вот только он понял, что у него это плохо получилось. Молодость, великолепная, отчаянная молодость своим разливом, своей торжествующей силой озаряла, переполняла своим светом, своим сиянием этих юных офицеров, их взгляды, слова... Казалось, им принадлежал сейчас весь мир, хотя на самом деле – ведь всего лишь день, всего лишь миг... Когда снова и снова ничего не известно, что же там дальше.

Ладные, крепкие, все трое, как на подбор, они уходили сейчас к Вашингтону, и полковник южан, на мгновение вдруг забыв обо всем остальном, проводил их долгим, погрузневшим взглядом.

Почему?.. Почему люди никогда не живут в мире и в доброте? Что надо поменять на этой земле и в этом устройении власти, чтобы все жили радостными, счастливыми, довольными? «Свобода, равенство, братство» – давно ведь уже найдена эта формула, почему же она всегда остается всего лишь звонким лозунгом? Проклятая война! Она поделила страну, разделила нацию, она соберет свою богатую и кровавую жатву, и уцелеют ли в ней эти трое ребят в своей синей форме, которые уходили сейчас куда-то за горизонт? Только надеяться и верить Богу. Но полковник Сэнди Дэйв не признавал Бога. Он верил во что-то другое. Наверное, в то, что силой, копьем и мечом когда-то на земле будет установлен рай. И тогда все будут счастливы.

– Ты ему кого-то напомнил, Натти, – заметил Джеймс своему другу про полковника. – Может быть, у него такой же сын, как и ты сам, вот он и подумал, отпустил нас...

Грейсли чуть-чуть ошибся в своих предположениях. У полковника Сэнди Дэйва были дочери. Младшенькая Кэролайн, конечно же, как обыкновенно и водится, краса, любимица и баловень всей семьи. И еще другая юная красавица, Элизабет с золотисто-карими глазами. Маленькая леди в своих красивых платьях. И любимейшая папина дочка. Девочка превосходно держалась верхом на любой лошади, стреляла по любым мишеням. Но когда-то полковник хотел сына. Наверное, почему-то ведь совсем такого же, как этот чужой офицер-северянин.

«Также сквернословие, – говорит, – и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение...» (Еф.5:4), – напомнил сам себе Джейми. Не надо было. Не надо было говорить полковнику тех слов. Сейчас он понимал, что они были всего лишь ожесточенным отчаянием и ненужной бравадой. Вот она, привычка на лишние слова, на шуточки, на внешний блеск и остроуту высказываний.

«Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога» (по Иоанну Златоусту. Толкование на послание к Ефессянам. Из главы 17).

V

Боевые действия не закончились в три месяца, как это решали и предполагали в Союзе. В первом сражении при Манассасе были разбиты не только полки Севера, но и многие ошибочные надежды, оценки и суждения. Вашингтон набирал новых добровольцев¹¹, и теперь сроком на три года.

Нат отчаянно скучал в расположении своей роты. Полк стоял лагерем, и люди изнывали от жары и тягостного чувства неизвестности. Было понятно только то, что теперь была развер-

¹¹ «Армия США к 1860 году насчитывала чуть более 16 000 человек. Набор в армию осуществлялся на добровольной основе, принудительных призывов на военную службу не было» (Маргарита Гуминенко. «Армия США в войне 1861—1865 годов»).

нута вот эта Кампания на полуострове. Натаниэль вырос в прериях, а прерии – это были бизоновы травы и стойкость индейцев дакота, но, наверное, сейчас он устал. Все просто валилось из рук. И Святое Евангелие – тоже. Убийственное равнодушие и отчаяние ко всему.

Если бы между Севером и Югом оставался мир, то все могло ведь быть по-другому. Другие события. Другая жизнь. А так уже назавтра, может быть, гибель. Но пока эти скучные и унылые дни. Вместо настоящей жизни.

Может быть, он слишком привык к другому миру, к другим представлениям о нем. Там, в прериях, луки и стрелы, слава и гибель – со стороны казалось, что все это словно вплеталось в саму жизнь, словно сияло и переливалось в свете солнца бисером искусно вышитого вампума. Зеленые травы, лучи на утренних росах, радости или печаль, и торжество далей... А здесь жизнь словно была где-то там, жизнь словно проходила стороной, а ты сидел и чего-то ждал...

Наверное, так все и было. Он сидел и чего-то ждал... Вместо того, чтобы иметь в своем сердце благодарение и стойкость.

«Господня земля и исполнение ея» (Пс. 23; 1). «На всяком месте владычества Его» (Пс. 102, 22). «Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугоди Ему быти» (2Кор. 5, 9). Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности; а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна».

Вот, это были слова Игнатия Брянчанинова.

А еще скорби, встречающиеся в обществе, никогда не могли быть извинением никакого малодушия. Слава Богу за все. *«Слава Богу! Торжественные слова! слова – провозглашение победы!» (по Игнатию Брянчанинову).*

Это была очередная весточка из дома. Мать всегда очень мало писала своих собственных слов. Какие слова можно было найти, чтобы выразить свою печаль, свою надежду, свое желание снова увидеть любимого сына? Не было таких слов, чтобы можно было излить в них свое материнское сердце. Стойкая и печальная миссис Лэйс писала в свои послания отдельные места из святых Отцов. Она не знала, поймет ли ее Натти многого, но в любом случае он должен был найти для себя пользу... Что она сама могла сказать ему? Лучше было молчать. Кроме обычных слов любви и заботы. А наставлять и ободрять его пусть лучше будут они – где-то там, на небесах ведь всегда милостивые ходатаи и заступники...

Натаниэль невольно словно взглянул на себя со стороны. Непонятно, что он делал, о чем он думал. Наверное, он уже снова не унывал. Он уже снова держался. Молчаливый и спокойный капитан с серо-голубыми глазами...

VI

На войне как на войне. Они были бравыми капитанами, и знали это. Но никто из них не был готов на другую жестокую правду. Ни один из троих никогда не будет готов потерять на этой войне своего близкого друга и товарища.

Джейми! Нет, только не Джейми. Самый младший, самый отчаянный из всех них, беззаботный и стойкий синеглазый офицер, всегда словно бы с этим небом Виргинии в своем взгляде...

Джейми!.. Натаниэль позовет его через поляну, во всю силу своего голоса, словно бы этим призывным воплем можно оказаться с ним рядом и поменять его судьбу. Он услышит себя словно откуда-то со стороны, и ему так явственно и отчаянно представится, что это ведь, наверное, возможно...

Джеймс, Джейми! Невольно понадеется на силу своего чувства и Уильям Вингстон, забыв, что только в последний день и только от гласа трубы Ангела возможно воскресение мертвых.

Да, им останется лишь отчаянная надежда. Потому что Грейсли жив, он ведь окажется только ранен. И друзья пошли тогда к своему командиру. Натаниэль сказал, что возьмет пока на себя роту Уильяма, а тот повез Грейсли в Вашингтон. Где-то там, конечно же, ведь обязательно должен был быть самый лучший на свете доктор. Уильям Вингстон знал, что делает. Он вырос под Вашингтоном и ему был знаком этот город. Он найдет этого доктора. И тогда останется неизвестным только самое главное – воля на все Господа Бога...

Натаниэль ждал своих друзей и ничего не знал. Но ему не верилось. Ему не верилось, что все может закончиться плохо. Он не был готов. Он никак не был готов принять жестокую правду, если она случится. Лэйс просто знал, что придется тогда ее принять. Но пока еще ничего неизвестно. А Господь милостив, и они с Уильямом будут молиться. Оставленным всем людям тем молением в Гефсиманском саду... Через рвущуюся боль души о том, что не наша воля, но Твоя да будет...

Джеймс Грейсли снова вернется в Потомакскую армию, и друзья все забудут уже даже перед вторым Манассасом. Словно страшный сон или просто придуманный кем-то ужас. Чтобы снова жить дальше на этой земле, все это надо будет забыть и не вспоминать. Все пройдет хорошо, и Джеймсу никогда и ничего не напомнит потом о его ранении. Счастье. Это было счастье.

А когда все забылось, и был взят Ричмонд, и наступил мир, Уильям просто старался всегда помнить: *«Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских»*.

И какую может она иметь цену, когда при разгорячении крови дает клятву положить душу за Господа, а чрез несколько часов, при охлаждении крови, дает клятву, что не знает Его?» (Мф. 26, 33, 35, 74) (Игнатий Брянчанинов).

Обстоятельства. У него были свои обстоятельства. Когда-то один из блистательнейших учеников Гарварда, перед которым, казалось, были открыты все пути и дороги, Уильям Вингстон ведь навсегда принял всего лишь бесприютную судьбу офицера с капитанскими погонами, палатки, лачуги, форты... Наверное, самое тягостное – нелюбимая карьера. На всю жизнь, и ведь словно на целую вечность, как это иногда казалось ему в минуты усталости и печали.

«Потому что Бог есть любовь» (Ин.4,16). А являет себя миру любовь только через жертву, и нет «большей той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15,13) (из проповеди протоиерея Вячеслава Резникова).

Синяя форма, вчера, и завтра, и сегодня. «Пусть, пускай», – раз и навсегда когда-то решил так Уильям в своей спокойной стойкости. Но небо, и солнце, и зеленая трава – всегда ведь всему и для всего. Гарварду ли или безвестному забытому форту. *«Нестяжание есть отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозбращаемое путешествие, вера заповедям Спасителя; оно чуждо печали» (Иоанн Лествичник).*

А печаль... Что она была, печаль... «Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим...»

VII

Манассас, неудачная Кампания на полуострове, снова Манассас... А потом была река Энтитем-Крик. 17 сентября 1862 года. Колосилась утром перед глазами зеленая кукуруза. Все затоптано было здесь и вокруг, когда наступил вечер... Кукурузное поле, ближний лес, небольшая речка... И слишком дорогая цена этому сражению для обеих сторон.

Шестой армейский корпус Потомакской армии стоял в резерве. Шестой корпус был нужен там, на поле битвы. Генерал-майор Уильям Франклин порывался ввести в бой свои силы, но ему не позволили сделать этого. Личное обращение к главнокомандующему штабом армии

ничего не поменяло. Шестой корпус не ударил по центру и не решил ничего в исходе сражения. И шестой корпус не принял сегодня своей доли мужества и смерти...

Они стояли теперь, три друга, и молчали. Все решилось без их участия. Наверное, они ко всему за этот год привыкли. Вот только прежде Север всегда отступал, а сегодня у него были собраны здесь многие полки, и его дивизии шли на фронтальный огонь. Конфедераты же в свою очередь тоже должны были бросать все новые и новые подразделения, чтобы выстоять своим гибельным заслоном на пути этих могучих синих волн. Сегодня была такая дорогая цена за все, и сегодня была ничья. Сегодня и Север, и Юг оказались слишком равны в своем жребии. А они остались в живых. В этом царстве боли и гибели. И это было непонятно, и словно нечестно. Южане клали свои бригады, Север – свои. Никто не отступил. Никто не вышел на победные рубежи. Просто затоптали спелую кукурузу. Просто залили своей и чужой кровью эту землю. Просто нельзя было понять горькой и жестокой правды. Молчать. Только молчать. Словом, мыслью, любым чувством, всем своим сердцем. «Помяни, Господи, во Царствии Твоем...» Вот. Только вот это. Безмолвной и отчаянной мольбой. *«И помяни, Господи, всех призывающих имя Твое во истине: помяни всех, блага или сопротивная нам хотящих: вси бо человецы есмы, и всуе всяк человек»*¹².

Письма. Мамины письма с далекого ранчо. Наверное, из них можно было бы составить книгу. Она не говорила лишних слов. Она просто писала «Привет, Натти. Как ты там, жив, здоров, весел? Береги себя, я очень жду, когда ты снова приедешь домой. Всегда помню своего малыша с серо-голубыми глазами. Хотя ты давно уже и не малыш, и стал у меня настоящим воином. Помнишь, когда-то в детстве ты хотел воинской славы? Вот, так все и получилось, и теперь только и нести с терпением и благодарением этот крест. Тебе – свой, и мне – свой, как будет, так все и будет. Не забывай читать Евангелие и еще много чего не забывай. Люблю тебя и целую, мой маленький друг дакотов и стойкий и смелый капитан бледнолицых. Нат, Натаниэль, Тэн, Натти...»

А дальше она упоминала уже творения святых Отцов. Или Священное Писание Нового Завета. Иногда Ветхого: «Сыне, отверзай уста твоя Слову Божию и суди вся здраво...» (Притч.31:8). «Поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф.13:52).

«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды.

Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним.

Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших,

потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде;

потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Итак утешайте друг друга сими словами» (1Фессал.4:13—18).

Мама ждала. Мама верила. Мама просила: «Не забывай читать Евангелие и еще много чего не забывай».

«Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?»

И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» (1Пет.4:17—18)

¹² Из молитвы по окончании 6-й кафизмы.

Однажды авва Макарий, ходя по пустыне, нашел лежащий на земле человеческий череп. Когда авва прикоснулся пальмовою палкою, которая была у него в руке, к черепу, – череп издал из себя голос. Старец сказал ему: «Кто ты?»

Череп отвечал: «Я был жрецом идолопоклонников, которые жили в этом месте, а ты – авва Макарий, имеющий в себе Святого Духа Божия, когда, умиласердясь над теми, которые находятся в вечной муке, ты молишься о них, то они получают некоторое утешение». Старец спросил: «В чем состоит это утешение?» Череп отвечал: «Сколько отстоит небо от земли, настолько огня под ногами нашими и над нашими головами. Мы стоим посреди огня, и никто из нас не поставлен так, чтоб видел лицо ближнего своего». Тогда старец, обливаясь слезами, сказал: «Горе тому дню, в который родился человек, если только таково утешение в муке!» К этому старец присовокупил: есть ли мука, более тяжкая этой?»

Череп отвечал: «Ниже нас мука больше». Старец сказал: «Кто в ней?» Череп: «Нам, не ведавшим Бога, оказывается хотя некоторое милосердие; но те, которые познали Бога и отреклись от Него и не исполняли воли Его, находятся ниже нас». После этой беседы старец предал череп земле¹³.

VIII

А дальше наступит декабрь, 13 декабря 1863 года, и армия Союза двинется в наступление у Фредериксберга. Наверное, все снова пойдет не так, как задумывалось и хотелось, потому что итогом этого наступления будет его решительный провал и гибель и потери личного состава.

Северяне пойдут брать высоты Мари, пойдут напролом, прямо на протяженную каменную стену, что когда-то просто усиливала проходящую здесь дорогу на ее участке по выемке, но теперь эта невысокая стена станет передовым форпостом укреплений позиций конфедератов. Высоты Мари не будут взяты. На высотах Мари дивизии Севера будут уничтожены целыми бригадами в бесполезных и губительных фронтальных атаках...

Левое гранд-подразделение Севера не примет участия в развернувшейся под высотами Мари трагедии. Утром с его стороны произойдет демонстрационное наступление на южан и даже окажется взята одна из линий обороны неприятеля, но потом посланная дивизия встретит новые силы чужого подкрепления и отступит. Дальше левый фланг Потомакской армии уже останется стоять на своих исходных позициях. На высоты Мари будут идти бригады Центральной и Правой Гранд-дивизий. Дивизия Френча. Дивизия Хэнкока. Дивизия Ховарда. Дивизия Стёрджиса из IX корпуса... И снова – но уже другие дивизии... Дивизия Чарльза Гриффина. Легкоартиллерийская батарея Хазарда. Дивизия Хэмфриса. Дивизия Гетти, уже потом, в наступивших сумерках...

– Север не возьмет сегодня эти высоты, – сказал Джеймс Грейсли с отчаянным чувством того, как рушится сейчас весь мир и близится наступление конца света, пусть только для него одного и других федералов, но это должен был быть самый настоящий конец света. – Север их вообще никогда не возьмет, – добавил он. – И Ричмонд мы тоже никогда не возьмем.

Это настали три часа дня, и Левая гранд-дивизия получила сейчас приказ, чтобы тоже перейти в наступление на позиции конфедератов.

Серые глаза Уильяма Вингстона казались совсем темными. Наверное, он ни о чем сейчас не думал. Все равно ведь, что будет, то будет... Если кто-нибудь хотя бы мельком когда-то

¹³ Игнатий Брянчанинов: «Здесь указывается на отвержение деятельности по заповедям Евангелия, как на отречение от Христа». [В «Достопамятных сказаниях» это повествование шире: «Череп отвечал: на сколько небо отстоит от земли, на столько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада». Старец заплакал и сказал...» – далее по тексту. См.: Достопамятные сказания, об авве Макарии Великом, гл. 37.] (по «Отечнику» Игнатия Брянчанинова).

заглядывал в Святое Евангелие, то читал ведь, что там было написано. Уильям глянул на своих друзей. Они тоже будут где-то рядом. Может быть, без дружбы даже проще во всем в жизни. А так ты знаешь, что вместе с тобой погибнут и другие, и никто и ничего не спасет твоих товарищей. Джеймс Грейсли сейчас уже снова молчал и равнодушно стоял в стороне, словно бы все то, что снова и снова происходило там, на этих злополучных высотах, не имело ведь к нему никакого отношения. И никогда не будет иметь. Наверное, синеглазый капитан все знал: *«Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убояся зла, яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста...»* (Пс.22:4) Жезл – Крест Христов. Палица – молитва Иисусова... Вот такое простое и понятное мужество.

«Поэтому, имея такого Помощника и Поборника не убоюсь даже самых врат смерти, но с пренебрежением встречу всякую смерть», – так написал ведь когда-то святой Феодорит Кирский...

Натаниэль тоже просто стоял и ждал ожидаемого распоряжения, чтобы пойти туда, на эти высоты. Это было бессмысленно. Северяне таяли там под вражеским огнем *«как снег, падающий на теплую землю»*, как вспомнит потом предводитель и командир своей дивизии Уинфилд Хэнкок. Все то же самое было понятно в этом дне и про высоты Мари, наверное, всем. Смертный приговор. Сразу и бесповоротно. Но, наверное, эти высоты во что бы то ни стало должны были быть сегодня взяты. Они не будут взяты. Это тоже ведь было всем понятно.

«Живый в помощи Вышняго... Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна...» (Пс.90:1,3) Там, в этом псалме девяностом, были еще и другие слова. Там были еще и многие другие строки. Но память снова и снова сбивалась сейчас на одно и то же: *«и от словесе мятежна...»*

Капитан с Вест-Пойнта со своими погонами, он, конечно же, пойдет под любой огонь. Лэйс не скажет ни слова. Но он не принимал этой своей судьбы. Почему и откуда ему все это? Этот мятеж перед самым собой был оправдан и честен. Там, на подступах к этим высотам, было слишком много смерти. И это была бессмысленная и ненужная смерть. Бессмысленный и ненужный бой...

Лэйс не помнил, он ничего сейчас не помнил. Все, что когда-то было сказано святыми Отцами, все, что ведь было сказано недаром. *«Преподобный Марк Подвижник сказал: «Пришедши искушению¹⁴, не ищи как и от кого оно пришло, а ищи того, чтобы перенести его с благодарением»*. И дальше: *«Воспреищенное прп. Марком разбирательство только приводит душу в смущение и способствует засеять в ней семенам ненависти и памятозлбия к ближним, а благодарение Бога за посланное искушение вводит душу в пристанище веры, мирит с ближними и служит причиной духовной радости»* (Игнатий Брянчанинов).

Натаниэль был не в силах. Нет, это было слишком высокое мужество. Все равно, что когда-то он вырос в прериях. Отнестись ко всему с благодарением? За что? Когда ни за что, ни про что уже положены целые дивизии, когда здесь начало ада на земле и словно бы конец света? Благодарность? Откуда? Ненависть. Только ненависть и мятеж на всех и на все, на Север и на Юг, на саму жизнь. Он не принимал и не примет. Все, что было, и все, что будет, – пусть. Но не этот день, не этот бой и не эти высоты...

Птица, попавшая в силоч и трепыхающаяся в нем, запутывается всегда еще больше. Наверное, сейчас было уже неважно, принимал он или не принимал свою судьбу. Неважно был его мятеж, и его ожесточение – тоже. *«Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»¹⁵* Про-

¹⁴ Искушение – испытание (по церковнославянскому).

¹⁵ «Ужасна буря страстей: ужаснее она всех наружных бедствий. Бедствие внутреннее опаснее внешнего. Помрачается во время видимой бури солнце облаками: помрачается разум, закрытый густым облаком помыслов, во время бури сердечной. Забываются наставления Священного Писания и святых Отцов; ладия душевная заливается волнами различных страстных ощущений. Не действует благотворно ни беседа с друзьями, ни душенизидательное чтение. Душа, залитая волнами, ничего не приемлет в себя. Единственным средством спасения остается усиленная молитва» (Игнатий Брянчанинов. Из «Аскетиче-

сто вот так теперь и оставалось только повторять про себя в душе все одни и те же слова и стараться верить в них. Хотя как это бесполезно и бессмысленно, хоть что бы ни случилось, пока сейчас не рухнет небо и не обрушатся горы... Да, все это казалось ему сейчас так же глупо и безнадежно, как идти на те высоты. Но Лэйс ведь всегда был просто молчаливым капитаном с серо-голубыми глазами.

Он не знал, откуда у него было это спокойствие, он не знал, откуда это спокойствие было у его друзей. Когда не бьется сердце, не перехватывает дыхание, не путается в голове сумятица мыслей. *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин.14,27)*. Откуда она была, эта спокойная смелость, без надрыва и без бравады? Он не знал и даже никогда и не замечал. Он всегда просто шел. Натаниэль пойдет и сегодня также. В эту бессмысленную атаку, которая станет уже последней. Да и ладно. *«Живый в помощи Вышняго...»*

IX

Командующий своим Левым гранд-подразделением Уильям Франклин не бросит своей дивизии на верную гибель. Наверное, при сложившемся неблагоприятном для Севера раскладе сил он найдет, что единственным верным решением для него будет сейчас действовать по своему собственному разумению.

Шестой корпус пойдет на высоты Мари весной. Тогда наступление на Фредериксберг будет предпринято в ходе общей стратегии битвы при Чанселлорвилле. И тогда эти высоты будут взяты. Одним этим Шестым корпусом. Другая расстановка сил. Другая численность защитников высот. Стремительность и быстрота прорыва штурмовых колонн.

Вперед были двинуты три штурмовые колонны. Справа и по центру наступление оказалось приостановленным. Но еще шла левая штурмовая колонна. Как сказал тогда полковник Томас Аллен своему 5-ому Висконсинскому полку: *«Парни, вы видите эти высоты. Вы должны их взять. Вы думаете, что не сможете сделать этого, но вы можете и сделаете. Когда будет дана команда „Вперед!“, вы пойдете ускоренным шагом, не стреляя, и не остановитесь, пока не будет дана команда. А команды такой не будет»¹⁶*.

Натаниэль стоял в своей передней боевой линии, чуть впереди своего отряда, и, наверное, ни прошлого, ни будущего сейчас просто словно бы не было. Был лишь вот этот миг, его капитанские погоны и эти высоты. И жизнь. Солнце, небо, земля, его синяя форма – и словно бы ничего больше. Его стойкость. Наверное, стойкость бизоновых трав тех прерий, в которых он вырос... Всё то же, как и всегда. Жизнь – так жизнь, и гибель – так гибель. Где-то там, в таких далеких отсюда прериях, его ведь ждут-не дождутся домой. Своего Ната, Натаниэля, Тэна, Натти. Но ничего, мама стойкая, мама все примет с верой и с мужеством. Как всё ведь сказано в Символе веры. *«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века...»*

А дальше раздалась команда, и они рванулись своей стрелковой цепью. Вперед, под огонь и выстрелы, на каменную стену. Основные силы противника вели сейчас стрельбу по двум другим штурмовым колоннам и по еще другой бригаде. Но все равно вся дивизия из левой колонны, первая прорвавшаяся к каменной стене, будет потом полностью расформирована в силу своих потерь.

Лэйс не знал, как он остался жив, он не знал, как остались живы его друзья. Но высоты Мари были взяты. И знамя Союза, звезды и полосы, было поднято сейчас над ними. Ценой жизни. И ценой смерти. *«Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!» (Еккл. 12:8)*

ской проповеди»: Поучение в Неделю 9-ю по Пятидесятнице»).

¹⁶ Из Википедии.

Х

На начало Геттисбергской битвы Шестой корпус стоял лагерем в Манчестере, штат Мэриленд. Это было 37 миль от Геттисберга. Подразделение выступит на марш, но сможет подойти к Геттисбергу только к концу второго дня сражения. На третий день битва при Геттисберге завершится. Отдельные бригады Шестого корпуса будут разбросаны на эти последние бои сражения по фронту, а сам корпус так и останется в резерве. Но теперь корпусу предстояло принять участие уже во всех оставшихся сражениях. Битва в Глуши. Спотсильвейни. И, наконец, Колд-Харбор. Всё одно и то же – наступления и атаки федеральной армии на оборону отступившего Юга и снова потери... На исходе войны. И на исходе уже всех человеческих сил снова и снова принимать все одну и ту же данность...

При Колд-Харбор Шестой корпус окажется переброшен туда со своих самых удаленных позиций на всей линии сил Севера. Это будет самый утомительный марш корпуса за все время боевых действий. А утром, когда встает солнце, когда просыпается мир и в своем торжестве жизнь, когда вспыхивают тяжелые росы на зеленых травах, – а утром, усталому и измотанному ночным маршем, корпусу предстояло ожидать теперь все той же команды на атаку. Сегодня или завтра...

Трава, зеленая трава, как те бизоновы травы прерий... Она напоминала сейчас про мужество и доблесть индейцев дакота, но она же и плескала в душу отчаянной тоской... Почему-то все словно слилось сейчас для Лэйса в одном миге. Манассас, снова Манассас. Непроступные высоты Мари. Марши на реку Раппаханок и к Геттисбергу. Глушь. Спотсильвейни... И вот теперь – это рассветное небо нового дня. Что же в нем он сам, а что же его друзья?... *«Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...» (Пс.90:15—16)* Это была вера при последнем издыхании. Это уже не была вера. Это был крест. Крест, на который уже не было сил... Но гибель – она ведь была гибель, и так – и так...

«Христос, поправивший Своей смертью смерть человеков и воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержал и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силой веры – и Христос приведет тебя в свое время в покой Свой» (Игнатий Брянчанинов).

– Натти...

– Джейми...

– Уилли...

Они все-таки снова стояли все вместе. Смелый, непосредственный в своей искренности Джейми: «Лучше быть расстрелянным за преданность, чем быть повешенным за предательство». Уильям, который никогда и не собирался становиться офицером, но который просто был всегда ответственный и надежный человек, и поэтому теперь такой блистательный, великолепный капитан, несмотря даже на нелюбимую карьеру. И Натаниэль, попавший в Вест-Пойнт откуда-то из своих далеких прерий, где люди любили жизнь просто за то, что она – жизнь. За синее небо, за солнце и за зеленую траву...

Как всегда. Все пока снова было как всегда. Что-то там дальше... Трое капитанов не думали сейчас об этом. Об этом было лучше не думать. Они просто знали – будет все. И хорошее, и печальное. Они ведь жили на этой грешной земле, они ведь жили на той земле и под тем небом, которые прейдут. Здесь не могло быть по-другому. *«Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф.6:34).*

Что-то там будет дальше... А пока будет осада Петербурга и Ричмонда. И сдача оружия 12 апреля армией генерала Ли¹⁷ при Аппоматтоксе. Победа...

Синие ряды встанут в своем победном строю, под своими победными флагами и знаменами, встанут в своем молчании, и кто-то вдруг призывно выкрикнет троекратное приветствие последней из сдавшихся чужих бригад, и это приветствие подхватят и остальные. Слишком дорогая была цена этой войны. Север ли Юг, виноват ли кто или прав...

XI

12 апреля 1861 года – 12 апреля 1865... Эти страницы жизни стали наконец перевернуты и закрыты.

Трое офицеров-северян стояли на берегу Раппаханок, и закатное солнце снова заливало их своим золотом, как когда-то тогда, после второго Манассаса. Золотые лучи ложились на весеннюю землю, золотые лучи вспыхивали и играли на нашивках и обшлагах синих мундиров. И теперь начиналась новая жизнь, новые пути и судьбы, и все это было так радостно, но почему-то и немного грустно...

– Вот и конец нашей дружбе, – один за всех высказал эту грусть Уильям.

Наверное, он был прав. Не было в этом мире такой дружбы, чтобы она была бы сильнее времени и пространства. Менялись обстоятельства, и все менялось. Уже разные жизни. Разные дороги...

– Нет, Уилли, – с непоколебимой уверенностью и со своей обычной живостью отозвался ему в ответ Джейми. – А как же тогда сказано в Святом Евангелии: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга...» (Ин.13:34)* А любовь никогда не перестает! – добавил синеглазый офицер с решительным торжеством, прозвучавшим сейчас в его голосе.

– *«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» (1 Кор. 13:8)*, – продолжил теперь уже и сам Уильям.

В мире нет дружбы. Нет любви. Нет правды. Все так говорят и все знают. В мире – нет. Но дружба в Боге и ради Бога – она навсегда. Она простирается через любые пространства и времена, она идет в вечность. Этой дружбе нет разлуки и нет конца. По разным концам земли, но она всегда соединяет друзей вместе. «Как говорит книга Деяний: «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа...» (Деян.4:32)¹⁸

«Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она – в Боге. «Все едино будут, – вещал Спаситель мира ко Отцу Своему, – якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и ти и Нас едино будут» (Ин.17:21) (Игнатий Брянчанинов).

Лэйс смотрел на реку. Наверное, он думал сейчас о том же, о чем перед этим был в размышлении и Уильям. Они все втроем вступали ведь в новые жизни и судьбы, и, может быть, больше никогда и не увидят уже друг друга, оказавшись по разным сторонам всех своих земных пространств и событий. Три друга, три однополчанина, три капитана... Боевая дружба от Манассаса до Ричмонда, через жизнь и смерть, она ведь словно оставалась сейчас здесь, на этом берегу Раппаханок... Все равно, как если бы вместе с душой и сердцем самих друзей.

Словно безмолвным обещанием своей преданности и верности трое офицеров-северян пожали сейчас друг другу руки.

«Но существует ли вообще дружба-то? – Да! Вот и Некто назвал кого-то друзьями (греч. – фили), но при одном необходимом условии (Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую Вам (см.: Ин. 15:14)). Выполнение этого условия таинственно сочетавало дела-

¹⁷ Роберт Эдвард Ли (19 января 1807 – 12 октября 1870) – американский военный, генерал армии Конфедеративных Штатов Америки (с 31 августа 1861), командующий Северовирджинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации (из Википедии).

¹⁸ Иоанн Златоуст. Беседа о совершенной любви, и о воздаянии по достоинству дел, и о сокрушении.

телей в един дух со Сказавшим и делало их друзьями Ему и друзьями между собою. Это – опыт. Но мешают нам осуществлению подобной дружбы наши страстишки, из-за которых мы готовы охладеть, поссориться и даже вовсе порвать дружбу. Да не будет сего с нами!» (Никон Воробьев).

Лэйс посмотрел на своих друзей и произнес сейчас каким-то по-особенному серьезным тоном:

– У нас в прериях у индейцев дакота есть обычай братства по крови. Они считают, что тогда в жилах людей течет одна и та же кровь, и эти люди становятся между собой братьями. Навсегда и над всеми обстоятельствами и испытаниями. Это у дакотов, и это они так только думают, – он помолчал. – Но мы соединены между собою Кровью Господа нашего Иисуса Христа, за многих изливаемой во оставление грехов. Вот цена нашей дружбы. И нашей жизни... И нашего Страшного Суда нам...

Вот так. Все было как-то вот так. *«...И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин 12:47,48).*

«А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду.

Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим.15:4,5,6).

12 апреля 1861 года – 12 апреля 1865... Эти страницы жизни стали наконец перевернуты и закрыты. Перевернут и закрыт сегодня уже был и новый день – 16 апреля 1865...

Джеймс Грейсли вспомнил первым. Они втроем забыли. Они совсем ведь забыли. Во всех этих маршах и битвах, во всех этих одинаковых днях, похоже, они совсем забыли, что из года в год наступает каждую весну все один и тот же самый великий день, и наступает ведь не только в книге Нового Завета и в письмах из дому, но и в самой жизни. Потому что всё на путях и судьбах всей земли всегда озарено уже его светом и сиянием.

«Еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным, вознесся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами и никтоже на вы»¹⁹.

«Аз есмь с вами и никтоже на вы...» Разве не этим пониманием держались они в самые отчаянные минуты, разве не этой надеждой жили и верили, когда ни во что не верилось, разве не с этим упованием была всегда эта решимость принятия своей гибели? Но смерть не была ведь для них всего лишь смертью. *«Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин.6,40).*

– Пасха, Натти, – повернулся он к другу. – На этой неделе, сегодня, Пасха! *«Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!...»²⁰*

Натаниэль вспомнил. *«Слава, Господи, святому Воскресению Твоему...»²¹* Забытый припев каждого воскресного дня и то, что каждое воскресенье ведь – праздник... *«Каждое воскресенье – это малая Пасха; потому и называется этот день днем Воскресения» (Антоний, митрополит Сурожский).* А потом он посмотрел на Уильяма, и тот – на него. Джейми ведь уже все сказал.

– Воистину Воскресе!..

Сей день, егоже сотвори Господь...

¹⁹ Кондак Вознесению Господню.

²⁰ Тропарь Воскресению Христову.

²¹ Тропарь из канона воскресного.

Звонкой, летящей радостью все одна и та же весть, словно бы когда-то тогда, две тысячи лет назад, снова пришла сейчас в мир, и понеслась дальше по свету, и вот оказалась подхвачена и на берегу этой реки... Дружба. Это и была их дружба. Она была не от Манассаса до Ричмонда. На жизнь. На смерть. На вечность. Навсегда и над всеми обстоятельствами и испытаниями...

Как сказал когда-то Апостол: *«Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания;*

один Господь, одна вера, одно крещение,

один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас». (Еф.4:4—6)

Глава 3. Параллельные жизни

I

Земля Миннесоты – щемяще шелестит бизонова трава под ветром, синее, синее небо... Стоянки индейцев дакота. Форта солдат в синих мундирах, звездно-полосатые флаги. Деревни белых поселенцев, одинокие охотники и трапперы, шумный Миннеаполис с железной дорогой и глуши лесных дебрей...

Прерии, прерии, прерии – и клонит траву ветер, и всходит рассвет... И всё, что есть на свете – это лишь стойкость и эта зеленая трава. И жгучие солнечные лучи изо дня в день заливают эти дали, манящие, великие, распахнутые небосклону.

Земля Миннесоты – щемяще шелестит бизонова трава под ветром, синее, синее небо... Прерии, торжествующие прерии – и за синее небо и эту зеленую траву, за счастье, за жизнь берут они в плату стойкость, и в пыли и в зное всегда дорога, и снова и снова – тяжелые в запекшемся вкусе губы... Но встают рассветы и колосятся под ветром тонколистные типчаки, и стоит всё это своей цены – эти зори во все небо над травами, эти розовые восходы и тяжелые росы поутру, прерии, прерии, прерии – великие, бескрайние и притягательные...

И в простоте и стойкости тотем тех, кто познал в своей судьбе Миннесоту, и открыто сердце лишь палящему ветру и рассветам, и легкий, легкий шаг, и поднята голова, и не отпустят уже прерии от себя – стойкость, магия стойкости, палящее, палящее небо...

Земля Миннесоты – щемяще шелестит бизонова трава под ветром, синее, синее небо... Миннесота, зеленая Миннесота, зеленая и великая... Еще одна звездочка в левом верхнем углу звездно-полосатого флага²², еще одна горестная повесть на американской земле об бесчестных бледнолицых братьях и стойких сыновьях Маниту в их горьком противостоянии друг другу. Золотое солнце над бескрайними травами и палящий и неподвижный воздух... Земля Миннесоты – прерии без конца и без края во все стороны и темнеющая по горизонту полоска леса...

Миннесота, еще один штат, принятый в новую страну, Америка, еще одна неудавшаяся утопия человека, еще одна несбывшаяся обетованная земля... Зеленая трава, залитая кровью индейцев. Кровь белых, проливаемая в месть и в защиту родной земли. И клонит ветер тонколистные типчаки, и шелестят они свою грустную повесть о стойкости индейцев дакота и об обреченности любых человеческих судеб... И алым, алым светом разливается закат над вечерней травой.

...Густой перелесок неожиданно раздался, светлоголовый всадник спешил и направился к блеснувшей между зарослями и деревьями воде, отыскивая спуск поближе и поудобнее. Легкие шаги, спокойствие и равнодушие во всём облике, лучистый свет серо-голубых глаз, легкая улыбка, лишь иногда трогающая губы, ворот всё того же синего мундира – ничего не поменялось в повзрослевшем капитане за эти три года, миновавших с того второго сражения при Манассасе. Натаниэль Лэйс остался всё тем же – как и тогда, всегда молчаливый и бестрепетный... И лишь только шелестела вокруг теперь трава Миннесоты, а не прежней Виргинии...

Река несла свои воды под ногами и был замечательный день – с этим обычным палящим солнцем, синим, синим небом и торжеством жизни в сердце и в немолчном звоне цикад в воздухе. Натаниэль наклонился к воде и снова выпрямился. О, эта живительная влага на запекшихся, потрескавшихся от солнца губах... О, эта гора усталости с плеч, это чувство силы и превосходства над трудностями и тяготами, когда жара, когда долгие переходы, но снова и снова

²² Флаг США менялся с течением времени в зависимости от числа штатов, составлявших Союз. Новая звезда добавляется к флагу 4 июля после вхождения в союз нового штата (из Википедии).

все это нипочем, снова и снова молодость и неутомимость берут свое, и казалось бы, чего же еще надо – когда так звонко и радостно поют речные струи хвалу этому миру и когда так ярко золотится солнце в прибрежной траве?..

Земля Миннесоты – щемяще шелестит бизонова трава под ветром, синее, синее небо... Земля Миннесоты – раскрытая книга, словно снова и снова книга хвалы и благодарения Господу...

II

Благословен еси, Господи, Боже отец наших, и препетый и превозносимый во веки, и благословено имя славы Твоея святое, и препетое и превозносимое во веки.

Благословен еси во храме святых славы Твоея, и препетый и превозносимый во веки.

Благословен еси, видяй бездны, седяй на Херувимех, и препетый и превозносимый во веки.

Благословен еси на престоле славы царствия Твоего, и препетый и превозносимый во веки.

Благословен еси на тверди небесней, и препетый и превозносимый во веки.

Благословите, вся дела Господня, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, Ангели Господни, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, небеса, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, воды вся, яже превыше небес, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, вся силы Господни, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, солнце и луна, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, звезды небесныя, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, всяк дождь и роса, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, вси дуси, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, огонь и вар, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, стужь и зной, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, росы и иней, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, нощи и днии, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, свет и тма, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, лед и мраз, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, сланы и снези, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, молния и облацы, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Да благословит земля Господа, да поет и превозносит Его во веки.

Благословите, горы и холми, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, вся прозябающая на земли, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, источницы, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, моря и реки, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, кити и вся движущаяся в водах, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, вся птицы небесныя, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, зверие и вси скоти, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, сынове человечести, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Да благословит Израиль Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, иерее Господни, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, раби Господни, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, дуси и души праведных, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, преподобнии и смиреннии сердцем, Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Благословите, Анания, Азария и Мисаил, Господа, пойте и перевозносите Его во веки: яко изъят ны от ада и спасе ны от руки смерти, и избави ны от среды пеици и горяща пламене, и от среды огня избави ны.

Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его.

Благословите, вси чтущии Господа, Бога богов, пойте и исповедайтесь, яко во век милость Его (Дан.3:52—90).

III

Форт Эйтсен был одним из тех дальних фортов, которые были расположены среди Великих Равнин и величественных лесов и которые мало чем отличались друг от друга. Стены, строения, люди. Восходы и закаты, угрюмые повседневные будни, жара летом и снег и пронизывающий холод в зимние месяцы.

Особенно хмурым, тоскливым становится форт именно зимним временем. Если летом радость окружающего мира несколько скрашивает его унылый вид, эти бревенчатые стены, приземистые постройки, то зимой белый снег лишь еще больше оттеняет мрачные перекрытия и переплеты. Зимой вокруг во все стороны – лишь накрытые снегом нескончаемые равнины, то тут, то здесь чернеют островки безмолвного леса. Всё. Ничего не увидеть больше до самой линии горизонта. Только зимнее, холодное небо сливается со снеговой далью. И искрится на солнце в жгучем морозном воздухе снежная пыль.

И снова – вечер. Косой луч солнца прячется, теряется в складках звездно-полосатого флага. Незаметно, неслышно смеркается, гарнизон располагается на ночлег. Тянет в щели с прерии холод, за стеной бревенчатой – ночь, снег и ветер. И так всегда, и так из года в год...

Но прибывшего в форт виргинского капитана ничего не обескураживает на новом месте. Трудности, печали ли или радости, усталость и другие жизненные обстоятельства – он никогда не раздумывал много над всем этим. Он имел в своей судьбе то, что имел; всё было так, как было. Он просто знал, что на всем белом свете была лишь одна правда – что на всё под небом и на земле всегда святая Господня воля... Как это было сказано в книге пророка Аввакума: «А Господь – во святом храме Своем: да молчит вся земля пред лицом Его!» (Авв.2:20)

А пока была первая зима в новом форте. Снег. Великолепные снеговые просторы. Короткие дни, декабрьский сумрак и этот снег, пронизывающий холод и мерзлый лед. Серые стены и черные деревья. Уныние и беспросветность зимней снеговой пустыни. Но для нового капитана из Виргинии все было просто. Зима – так зима, лето – так лето, стужа – так стужа и жара – так жара. Утренние лучи солнца ложились по снегу и сквозь еловые ветви. И снова и снова в стойкости и в свете Святого Евангелия преломлялось всё это в серо-голубых глазах...

«Постигнет ли тебя печаль, смотри, чтобы чрезмерное уныние не изменило твоих уст; но говори, как Христос. Ведь и он был в печали о Лазаре, и об Иуде. Нападет ли на тебя страх, – старайся опять так говорить, как Он. Ведь и Он был в страхе за тебя, когда устраивал твое спасение. Говори и ты: «Впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26:39). Плачешь ли ты, – плачь умеренно, как и Он. Терпишь ли клевету и скорбь, – принимай все это подобно Христу. Ведь и Он был оклеветан, и Он скорбел, и говорил: «Душа Моя скорбит смертельно» (Евангелие от Матфея

Тогда говорит им Иисус: душа моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со мною. Мф.26:38). И во всем вообще Христос показал тебе пример, чтобы ты соблюдал ту же умеренность и не нарушал данных тебе правил». Так говорил Иоанн Златоуст²³.

«Четыре же Евангелия Господь дал нам, может быть, потому, что на основании их мы научаемся четырем главным добродетелям — мужеству, мудрости, справед-

²³ Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. Беседа 78.

ливости и целомудрию. Мужеству, когда Господь говорит: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф.10,28); мудрости, когда говорит: «Будьте мудры, как змии» (Матф.10,16); справедливости, когда учит: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук.6,31); целомудрию, когда говорит: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Матф.5,28)» (Феофилакт Болгарский).

«Кроме того, четыре Евангелия существуют потому, что они столпы мира. Но так как мир имеет четыре стороны – восток, запад, север и юг, то должно, чтобы и столпов было четыре. Затем, четыре Евангелия существуют и потому, что они содержат и предметы четырех родов, именно: догматы и заповеди, угрозы и обетования» (Феофилакт Болгарский).

Святитель Игнатий (Брянчанинов):

«Святой Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение – оружие, молитва – стена, непорочная слеза – умывальница, а блаженное послушание – исповедничество, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Степень 4).

Все духовное преуспеяние заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов, – правильное, – беззакония своей воли, приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им. Истинное послушание – в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: да продаст ризу свою и купит нож (Лк.22:36). Риза – нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови.

Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспеянии оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твое всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель богоугождения. Да благословит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этою целью! «Господня земля и исполнение ея» (Пс. 23; 1). «На всяком месте владычества Его» (Пс. 102, 22). «Темже и тищимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти» (2Кор. 5, 9). Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности; а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна».

И в сотый, и в тысячный раз этот спокойный, сдержанный капитан с серо-голубыми глазами погребал в своем сердце всё молчанием, усталость ли, ожесточение или печаль. В сотый и в тысячный раз он искал в нем в ответ благодарение Богу: «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь...» (Пс.18:1)

IV

«Во всю землю изыде вешание их и в концы вселенныя глаголы их... Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа...»

Снова и снова громадными и близкими звездами усыпано было зимнее небо, и снеговая тишина простиралась во все стороны земли. Но сейчас в прериях стояло лето. И было раннее, великолепное утро, когда Натаниэль Лэйс с очередным заданием выехал из форта. На этот раз капитан отправлялся с запечатанным посланием в соседнюю крепость. Со времени прибытия Лэйса в Миннесоту военных действий пока не происходило и об индейцах в округе ничего не было слышно, и люди часто добирались от форта к форту вот так поодиночке.

Ясное, чистое, прозрачное рассветное небо засияло на востоке розовым светом, и туман поднялся из долины. Утренние росы быстро высохли в лучах взошедшего солнца. Знойный и неподвижный воздух установился над простором прерии, и разноголосый стрекот цикад заполнил раскаленное пространство земли. Путь лежал под палящим синим небом, но это была обычная жизнь для тех, кто обитал в этих краях. Эта зеленая трава, это синее небо и эти великолепные рассветы брали себе в плату цену стойкости и этот тяжелый вкус запекшихся на солнце губ...

Тем временем сбоку от дороги начался перелесок, и Лэйс немного отклонился от пути, съехав в него и решив спуститься на несколько минут к реке. Зеленый полог леса окутал его своей вековой прохладой, тонколистные папоротники раскинулись по обеим сторонам тропинки. Казалось, миром и покоем был напоен сам воздух, всякая травинка, каждый листик. Вот и вода мелькнула между листьями деревьев, вот раздвигаются заросли и он оказывается на обрывистом берегу со спуском к реке, высокая осока чуть колеблется от течения речных струй, и золотистая песчаная коса раскинулась на противоположной стороне. Яркое солнце заливает все, и он спрыгивает со своего мустанга на землю.

Всё происходит быстро. Метнувшиеся тени, развивающиеся перья, блеснувшая на солнце сталь. Лэйс отбил от одного нападавшего, от другого, ударил третьего. Но силы были слишком неравны, и исход поединка был предопределен. Его смяли, стиснули, и ему удалось снова вырваться, и на мгновение он оказался свободен, но сзади была река и до мустанга было не добраться, и бежать было некуда. Он отступил на шаг назад, к самому краю оказавшегося за спиной обрыва, и спокойно вскинул голову.

...Зеленая, зеленая трава казалась нестерпимо яркой в свете солнца и была зеленее, чем всегда. Всё было предрешиено. Это было невозможно. Но эта жестокая тоска, плеснувшая в душу, свидетельствовала сама за себя. Его кровь прольется сейчас на эту бизонову траву, и пустой чубарый мустанг уйдет в прерию, и все двинется дальше своею чередой... Но он сам, он, которому так жалко было сейчас этой зеленой травы и этого земного пути, примет ли Господь его душу? Если праведник едва спасается, то что тогда он? «По велицей милости Твоей...», – лишь только и успел он вспомнить, произнести где-то в своем сердце. И словно остановилось время в сиянии на солнце занесенной стали.

Но один из индейцев останавливает руку своего товарища.

V

Текамсех Крепкая Пантера сам не знал, как он успел вспомнить, понять, кто перед ним, и остановить роковой нож. Потому что он сам до последнего мгновения видел перед собой лишь врага, но когда светлоголовый капитан отступил на край откоса и спокойно вскинул голову, в его памяти вдруг всплыла давняя картинка из детства.

Ему двенадцать зим и весен, и он возвращается в родной поселок из вылазки по чаще, неожиданно его внимание привлекает шум где-то на окраине стойбища, и он спешит уже на него. Ватага его младших товарищей обступила невесть как оказавшегося здесь чужого американского мальчугана. В короткой потасовке тот чудом вырывается из цепких и безжалостных рук Сколкза, самого сильного и беспощадного из собравшихся вокруг него враждебных ровесников, но бежать некуда, спереди враги и за спиной река. Светлоголовый малыш отступает назад и вскидывает голову, и спокойно смотрит перед собой. И лишь его серо-голубые глаза наполняет безмолвная щемящая боль...

Текамсех расталкивает младших друзей и обхватывает яростного Сколкза. Сколкз подчиняется ему, как старшему, но остается непримирим.

– Это Маленький Белый Волк, и его надо убить. Потому что когда он вырастет, он придет убивать нас.

– В мирное время никого нельзя убивать без суда и совета старейшин, – напоминает ему Текамсех. – И потом, ты сам сказал, что он всего лишь Маленький Белый Волк, не вздумай его больше трогать, если хочешь стать великим вождем. Великие воины никогда не трогают и не обижают детей и женщин.

Сколкз отходит в сторону. Он конечно же вырастет и уже не будет тем непосредственным ребенком, готовым мгновенно и лишь по своему собственному разумению вершить правосудие

прерий, но именно по отношению к Натаниэлю он так и останется всегда при своем мнении и в своей ярости и непримиримости к нему.

Текамсех между тем остается со светлоголовым малышом один на один.

– Как ты сюда попал? – замечает он.

– Я шел с соседнего ранчо к себе домой и отклонился от дороги, – отозвался тот. – Спасибо тебе, – добавил он с детской и горячей непосредственностью. – Ты меня спас.

– Всякий поступил бы также на моем месте, – заметил Текамсех. – И сам Сколкз защитил бы тебя тоже, если бы был старше, но он пока тоже всего лишь ребенок и многого не понимает.

– Наверное, – согласился тот.

Его взгляд случайно упал на колчан со стрелами и лук Текамсеха.

– Хочешь, я научу тебя стрелять из него? – неожиданно для самого себя вдруг предложил индеец.

– Конечно, – обрадовался тот, и только сейчас казавшиеся совсем серыми, теперь эти глаза были полны сияния голубого неба.

Так они и стали друзьями.

– И как же тебя зовут среди вас, мой бледнолицый брат, Маленький Сын Волка? – спросил тогда у него Текамсех. – Я вот Текамсех, Крепкая Пантера.

– А я всего лишь Натаниэль Лэйс, – с улыбкой ответил ему его новый младший друг.

VI

Когда-то потом они даже станут между собою по одному из давних обычаев дакотов все равно что кровными братьями, скрепив свою дружбу свидетельством своей же собственной крови. На одном из пальцев левой руки останется еле приметная тонкая полоска шрама от ножа, и Текамсех знал, что у стоявшего сейчас перед ним светлоголового капитана тоже оставалась такая же...

– Подожди, Сколкз, – объяснил он другу. – Это Натаниэль Лэйс, Шон Маинганс, как его звали у нас, Маленький Сын Волка...

Тот посмотрел на них обоих. Конечно, и как он только не узнал того сразу. Эти серо-голубые глаза со своим спокойным светом в них не оставляли ни капли сомнения. Ясная и понятная горечь обреченности лишь еще больше сейчас оттеняла спокойствие и сдержанность этого взгляда.

– Я ведь все-таки оказался прав, Текамсех. Маленький Сын Волка вырос, стал крепким и опасным и вернулся в прерии убивать нас, – заметил он. – И ты снова заступился за него, Текамсех Крепкая Пантера. Но на этот раз твоя доброта уже не спасет его, – непреклонно прозвучал его голос.

Лэйс, озадаченный поведением и разговорами индейцев, теперь тоже узнал их всех. Текамсех, Крепкая Пантера. Это было детство. Чуть поодаль стояли Митег и Вамбли-Васте, тоже его прежние друзья по играм. И он сам, Сколкз, никогда не терпевший его, положивший в своем сердце месть и вражду к нему и никогда не понимавший своих легкомысленных друзей в их сердечной и искренней дружбе к своему новому приятелю.

Текамсех снова повернулся к нему. Прежние друзья и братья, они стояли теперь друг перед другом, и солнце сияло в зеленой траве и на капитанских погонах Натаниэля Лэйса. Забытые были детские годы встретились теперь здесь, в прериях, в ставших такими параллельными и враждебными жизнях.

VII

Там, в Висконсине, у его матери было все для счастья. Лес, река, зеленая трава, прерии, синее небо, ближний поселок и великолепная усадьба. Юная, красивая, она умела и скакать на лошадях, и обращаться с оружием, и носить красивые платья. Она была изысканная леди в гостиных и вместе с тем всегда всего лишь простая и стойкая хозяйка своего подворья. Она хлопотала по дому, возилась на ранчо, любовалась на ранние рассветы и зеленые травы прерии, любила своего мужа, ходила на службы в местный православный храм и молилась по православному молитвослову. А еще умела хранить всегда на сердце сдержанность и ровное отношение ко всему в жизни, спокойная, молчаливая, с тихим, мягким сиянием в своих серо-зелено-карих глазах... Наверное, просто по слову: *«Земные печаль и радость приводят только в суетное движение кровь, Слово Божие может остановить это движение, сказав крови: не только плоть, но и кровь Царствия Божия не наследуют...»* (Игнатий Брянчанинов).

А когда-то словно потеряны были крылья, и жизнь словно потеряла свои краски. И ведь потом здесь, в Висконсине, у нее было все для счастья. Наверное, решила тогда она, она просто повзрослела, просто вышла замуж, оставила детские мечты и все так и должно быть.

Мэдилин Лэйс теперь не вспоминала и не думала, что было раньше. Все, что было в прошлом, – все осталось в воде крещенской купели, все словно бы унеслось в течении Иордана. Все, что там было – обычная жизнь: какие-то мечты, какие-то успехи и надежды... Первая глупая влюбленность, губительная и отчаянная страсть. Она не любила вспоминать ничего этого. У нее в жизни уже было всё другое. Обычное и простое замужество с любимым человеком. А жизнь снова сияла и сверкала своими красками, омытая купельской водой и наполненная новым смыслом. Здесь, в Висконсине, у нее было все для счастья. И она поняла свое счастье. А ещё – свою любовь: *«Добре, что вас муж любит. Вы любите мужа... И се – ваш рай. Ограда сего рая – взаимная друг в друге уверенность. Ее храните как зеницу ока, – и счастье ваше не поколеблется»*²⁴.

Потом в доме стал подрастать маленький Натаниэль, следом за ним и дочь Хелен. Дети, эти цветы жизни, одновременно и радость, и боль для любой матери... А вокруг был мир, в котором властвовали сребролюбие и гордость человеческая, мир, в котором забыли о Боге. *«Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Растлеши и омерзшиися в начинаниих, несть творяй благостыню»* (Пс.13:1).

Но Мэдилин глядела на своего подрастающего Натаниэля и хранила в своей душе твердость и стойкость. Она должна была всего лишь растить и наставлять своих детей в вере. И положиться на волю Божию...

Потому что когда-то святой апостол Павел написал в одном из своих посланий: *«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков»* (1Кор.1:22—25)...

²⁴ Феофан Затворник.

Глава 4. Первые приключения

I

Жизнь в прериях на отдаленных ранчо обладала своим особенным характером, и местный уклад откладывал свой отпечаток на события и поступки людей, дети которых здесь пользовались самостоятельностью и некоторой долей родительской беспечности. Однажды Мэдди оставила своих детей соседке, пока они вдвоем с мужем на два дня должны были уехать из усадьбы купить новых коров на ранчо, и она должна была тоже посмотреть животных. Хелен постоянно была при женщине, но Натаниэля, когда пришло время, та отпустила домой со своим сыном, тот довел его до поворота, и здесь они решили, что Натти дальше пойдет сам, его провожатый показал ему направление, куда идти, и маленький Натаниэль, гордый, что он совсем один, как взрослый, идет среди прерии, зашагал к дому. Потом он зашел в лес, потом пошел куда-то не туда, потом набрел в своем путешествии на индейский поселок и повстречал здесь враждебных индейцев. Вот так они с Текамсехом и стали друзьями.

В тот день его привел к дому уже сам Текамсех. Мэдилин выслушала историю нового товарища своего сына и постаралась остаться в спокойствии, она крепко обняла своего ребенка, и лишь про себя твердо и непоколебимо решила, что больше никогда не доверит его никакому чужому человеку и не отпустит от себя никуда дальше своей усадьбы. Однако ее смятенные мысли прервал прозвучавший голос Текамсеха:

– Я завтра приду за Натаниэлем и заберу его с собой в лес. Мы с ним договорились. Я обещал научить его стрелять из лука.

Мэдилин меньше всего сейчас готова была услышать об этом, и ее решение могло быть только одним.

– Но он еще совсем малыш, чтобы ходить по лесу и удаляться от своего дома, – сказала она, и ее ответ был непоколебим. – Вы слишком поторопились договариваться между собой. Завтра Натаниэль остается дома. Это мои слова как его матери.

– Я буду ему за старшего брата, – не оставил своей просьбы Текамсех.

Светлоголовый малыш стоял, опустив голову, и глаза его наполнялись слезами. Он очень хотел научиться стрелять из лука. Он очень хотел в лес, где Текамсех обещал показать ему следы разных зверей. И он просто уже успел очень подружиться со своим новым другом. Но он молчал. Будущий бестрепетный и стойкий капитан, он становился им уже с детства. Первые истоки сильного и мужественного характера начинались отсюда, из детства, в почитании матери и отца и в послушании им.

Он посмотрел на Текамсеха и пожал его руку.

– Прости меня, я не знал и пообещал тебе. Но я не пойду завтра, – он отошел в сторону.

Он устал. Он столько всего пережил за этот день. Он так ждал уже завтрашнего дня. Но не будет. Ничего не будет. Косые лучи солнца скользили по земле. Может быть, он понял сейчас своим детским сердцем в его великой детской скорби слова из Священного Писания о том, что же это оказывается означает: *«мужайся, и да крепится сердце твоё...» (Пс.26:14)* А может быть, просто смотрел на вечернюю траву и угасавший в небе закат...

Мэдилин проследила за ним взглядом и ее сердце больно сжалось, когда она поняла всю печаль своего любимого сына. Она посмотрела на стоявшего перед ней маленького индейца.

– Но ведь тебе и самому так немного лет, Текамсех. Ты же сам видишь, что получилось: взрослая женщина отпустила моего сына с таким же, как и ты, мальчиком, и вот что из этого вышло, ничего хорошего.

– С того времени, как мы с Натаниэлем вместе, все было хорошо, – коротко отозвался тот. – Я не буду много говорить, решать всё равно вам самим. Это ваш сын и вы его мать. А я всего лишь Текамсех Крепкая Пантера.

Она внимательно посмотрела на него:

– Откуда ты так хорошо знаешь наш язык, Текамсех?

– У нас многие его знают. Когда-то наше племя жило неподалеку от дружественных бледнолицых, и поэтому наши взрослые умеют разговаривать на нем. И теперь они понемногу учат ему своих детей, потому что на войне всегда может принести много пользы знание обычаев врага, – он замолчал, поскольку случайно сказал что-то такое, что навряд ли могло способствовать благорасположению к нему со стороны американской поселенки. – Я не хотел сказать этим ничего плохого про вас, – добавил он тихо. – Мы сами, индейцы дакота, не хотим войны, но мы ведь не знаем, что будет.

– Я понимаю тебя, – вздохнула Мэдилин. – Ты сказал то, что сказал, и сделал, то, что сделал. Ты защитил моего сына, спасибо тебе.

Текамсех посмотрел на Натаниэля.

– Вы все равно не удержите его при себе и не сможете оградить его от событий и опасностей мира. Однажды он вырастет, и вам когда-то все равно придется отпустить его, – вдруг сказал он. – Отпустите его завтра со мной, и он хотя бы какое-то время будет под присмотром и защитой старшего брата.

Мэдилин ответила не сразу. Просто смотрела на этого подростка с черными бархатными глазами и молчала. Она ведь знала. Первыми, кому на земле была провозглашена весть о рождении Спасителя, были пастырями, и это были *«те бедные Вифлеемские пастухи, единственным источником мудрости коих была открытая книга премудрости Божией, явленной в красоте Его творений, не тронутых грешной рукой человеческой»* (свт. Иоанн, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский). Может быть, это она, эта извечная мудрость, и светилась сейчас в этом спокойном и темном взгляде обращенных на нее глаз?.. Но ее мысли отклонились далеко от темы разговора.

– Ты говоришь совсем как взрослый воин дакота, – заметила она.

– Дакота рано приходится становиться взрослыми в своих рассуждениях, – просто ответил тот. – Нам нельзя жить по-другому в наших лесах и прериях.

Мэдилин вздохнула и приняла решение.

– Хорошо, ты можешь приходить за Натаниэлем, – сказала она. – Только я бы хотела, чтобы и ты, и твои друзья тоже пользовались тогда гостеприимством семьи вашего нового друга. Я буду отпускать его погостить к вам, а вы приходите навестить нас, – добавила Мэдилин. – Но я прошу тебя, чтобы ты всегда помнил, что он мой единственный сын и очень дорог мне.

– Да, миссис, – коротко ответил тот с непоколебимой уверенностью, которой нельзя было не поверить. – Рядом со мной он всегда будет в безопасности, и даже когда он вырастет, я жизнь свою положу за него, если он окажется в беде. Я сказал. Сыновья прерий не говорят своих слов напрасно. Вы можете быть всегда спокойны.

– Если на это ко мне будет Божия воля, – добавила Мэдилин, лишь улыбнувшись горячности и гордости его слов.

Она повернулась и ушла в дом, оставив их одних. Текамсех подошел к Натаниэлю, и Мэдилин, прильнув к оконному проему, увидела улыбку своего повеселевшего малыша. Она смахнула невольнo набежавшие на глаза слезы. Но разве он хранил на нее обиды? Мэдди хотела верить, что ее маленький Натти ведь не знал еще того яда гордости, который терзает душу всякого взрослого человека. Он ведь рос под покровом Ангелов, под покровом Господа Бога, и у него было чистое и искреннее детское сердце. Кажется, она где-то читала, что первые христиане учили читать своих детей по Псалтири и Евангелию. Может быть, дети многого

и не понимают, но ведь мудрость и сила – не от знания. Дети, наверное, просто всегда чувствуют, что Господь – вот, Он здесь, с ними рядом. И несут это знание во взрослую жизнь, и уже ничего не может их поколебать или отвратить от Бога.

Мэдилин Лэйс улыбнулась, уже с легким сердцем посмотрев за окно. Ведь это было так нечасто, такие моменты, когда коса находила на камень и ей приходилось применять свою власть над сыном. Обычно всё было в мире и в доброте, и он был стойким малышом и не знал капризов. И был довольным и счастливым.

II

Снова и снова вставали в небо розовые рассветы и догорали вечерами над травами пламенные закаты. А светлоголовый малыш рос и незаметно уже и перестал быть им, и лишь материнское сердце помнило прежний его образ. Он рос, и жизнь менялась, он пошел в школу, помогал на ранчо; но дети оставались детьми и всегда находили время для общения между собою и своих игр, и для своего особенного и только им одним и ведомого познания мира. Он рос, и Текамсех все также открывал ему тайны леса и секреты дакотов и учил всем своим умениям великого воина, и светлоголовый, с серо-голубыми глазами и светлой кожей Натаниэль давно уже стал своим среди своих новых друзей индейцев. В их мальчишеской жизни случалось всякое, случались и столкновения, с такими же, как и они сами, юными дакотами из соседнего поселка, и он умел постоять за себя и своих друзей, и умел терпеть боль, если силы оказывались неравными. И Мэдилин молча забирала тогда в стирку его рубашку с запекшейся на ней кровью, и лишь не удерживалась и закусывала губы. Но он был ее сыном, и это была жизнь, и она знала, что ни один мальчишка не может вырасти и стать взрослым без подобных эпизодов в своей биографии, и к ее великому утешению все-таки такие моменты случались нечасто, обычно же там, куда он уходил, были мир и дружба.

Время шло, и шли годы, зимы и весны, и время покрывало забвением многие события и воспоминания, и лишь холодного и враждебного отношения Сколкза к Лэйсу не могли, казалось, поколебать и века. Он только утверждался в своем чувстве все больше и больше, и однажды ему даже не удалось удержать и своего обычного внешнего безразличия к нему в своем молчаливом и известном всем противостоянии.

Лэйс дожидался своего друга Текамсеха на поляне возле реки за индейском поселком, куда тот обещал прийти к нему в этот день после полудня, и пускал стрелы из лука в ожидании друга. Кругом лился великолепный солнечный свет, и была великолепная зеленая трава, и для него сейчас не было никого и ничего на свете – кроме этого залитого солнцем мира, кроме звука натягиваемой тетивы и кроме этого чувства торжества и радости о своем достигнутом умении.

Сколкз оказался тоже здесь и молча наблюдал за ним. Наверное, он и сам не мог сказать, что его вывело из себя: то ли то, как непринужденно и словно бы у себя дома держался бледнолицый на их земле, то ли то, как ловко и метко у него получалось обращаться с их индейским оружием, ведь подумать только – это было их, и только их оружие, и оно было сейчас в этих руках...

Он подошел к нему и окинул обычным непримиримым взглядом:

– Бледнолицему лучше не находиться на берегу нашей реки, – заметил он.

– Бледнолицему, но не другу Текамсеха, – спокойно отозвался тот.

Его ответ прозвучал беззаботно и дружески, но все-таки с оттенком невольной ребяческой гордости и чувства своего превосходства. Он был всего лишь Натаниэль Лэйс, и невозможно было никому иметь силу и стойкость характера, и уметь стрелять из лука так, как умел стрелять он, а еще быть единственным бледнолицым другом самого Текамсеха Крепкого Пан-

теры, – и вместе с тем совсем не зная, что такое гордость. Гордость – она ведь всегда была гордость.

Может быть, будь на месте Натаниэля кто-нибудь другой, с другим характером, с другим внешним обликом поведения, Сколкз не придавал бы значения услышанным в ответ словам. Может быть, ничего бы и не последовало дальше. Но для Лэйса, для всегда сдержанного, молчаливого Лэйса, которого он видел всегда лишь искренним и непринужденным, и который и сейчас был таким, для него уже не могло быть никакой пощады. Лэйс никогда не тратил много слов, и это придавало им особенную силу и весомость. Сколкз расслышал гордые оттенки в его тоне, и они резанули ему сердце. В житейском смысле всё было просто, здесь, наверное, была всего лишь обычная обида: «У него гордость, а у меня что, баракло?» И у него было не баракло. У него тоже была гордость, и это была великая гордость дакотов.

Вот только это была уже не одна гордость. Это была еще и обида за свою землю, и желание мести всем и за все, за всю ту кровь, которая когда-то лилась бледнолицыми в этих прериях и которая только будет здесь литься еще...

Он подошел ближе:

– Ты думаешь, что если Текамсех взял тебя под свое покровительство, то я к тебе никогда уже не смогу даже и подойти? Но это было давно, потому что тогда ты был совсем ребенком, а теперь ты вырос, и ты такой же, как и мы все, и так просто мы с тобой сегодня не разойдемся. Потому что нечего бледнолицему делать близ нашего поселка, но ты этого не понимаешь.

Лэйс посмотрел на него в недоумении:

– Но что я тебе сказал? Всего лишь за несколько слов?

– Ты не знаешь цены своих слов, – заметил ему Сколкз. – Знаешь, Шон Маинганс, мне жаль, что ты не нашей крови, ты мог бы стать великим воином и вождем дакота, если бы был одним из нас. У тебя много стойкости и смелости, и ты мог бы иметь у нас очень много славы. Но я все сказал. И ты всего лишь Натаниэль Лэйс, ты всего лишь чужой и ненавистный мне бледнолицый.

Они стояли друг перед другом, и Сколкз был непоколебимо уверенный и непобедимый. Но он ошибся. Натаниэль оказался сильнее, чем предполагал его противник. Короткая схватка закончилась тем, что Сколкз сам был повержен на землю, и теперь вставал в ярости и возмущении.

Лэйс отступил назад.

– Я тебя уже победил, – заметил он. – Ты не можешь меня больше трогать, потому что мы уже сразились.

Но тот вставал в жажде мести и крови, и новая битва обещала быть такой, чтобы не на жизнь, а на смерть. Возможный финал был, конечно, неизвестен, потому что они были ровесниками и примерно равны по силе, и Текамсех много наставлял своего младшего друга в его умениях. И все-таки на этот раз побежденным оказался уже сам Лэйс. И теперь Сколкз стоял над ним, жестокий и разгоряченный, но все-таки подал руку и помог встать, развернулся и ушел. Он собирался стать великим воином и вождем дакота, и не мог уже нападать на ставшего беззащитным и беспомощным Натаниэля, почти сразу же сбитого градом обрушившихся на него ударов на землю.

Натаниэль посмотрел ему вслед. Теплая, красная кровь капала и расплывалась по рубашке, была на рукаве, которым он вытирал ее. Сколкз первым положил начало их враждебности по отношению друг к другу, но сейчас Лэйс ненавидел его тоже. До сих пор он так легко и беззаботно относился к постоянной и непримиримой ярости Сколкза, но это прежнее отношение, похоже, не могло уже продолжаться дальше.

Его одинокое ожесточение прервало появление Текамсеха. Подходя к реке, тот уже встретил Сколкза, яростного и чем-то распаленного, теперь посмотрел на Лэйса и понял всё без слов. Текамсех опустился на траву на краю берега и молча глядел на реку, и Лэйс сел рядом, и его

друг поднял голову. Сквозь время и сквозь дали всех миновавших зим и весен он почему-то помнил того малыша с серо-голубыми глазами, которого он обещал всегда защищать. Но прежний малыш вырос и стал уже почти взрослым юношей.

– Я сожалею, что все так получилось, – наконец произнес он. – Но почему ты не победил его? Я ведь знаю тебя, ты мог бы.

– Да и ладно, – с каким-то непримиримым и вместе с тем отчаянным ожесточением однако же словно махнул на все рукой тот. Правда, наверное, этого у него совсем не получилось. Вот так просто махнуть на все рукой... Совсем ведь нет.

Текамсех посмотрел на его рубашку:

– Когда-то я пообещал твоей матери, что ничего такого с тобой никогда не произойдет, – вздохнул Текамсех. – Прости меня, и Сколкза – тоже...

– Ты все также относишься ко мне, как к маленькому ребенку. Но я уже вырос, и ты не можешь и не должен быть постоянно рядом со мной, – возразил ему Лэйс. – А про Сколкза я решу все сам, – добавил он.

– Но ты все также не знаешь жизни. И не знаешь, почему Сколкз тебя так ненавидит, – снова со вздохом произнес его друг.

– Он считает, что я ваш враг, – ничуть не замедлил Лэйс с ответом.

Черные глаза Текамсеха посмотрели на него серьезно и с тайной внутренней скорбью:

– Он просто из другого племени. Его семья переехала к нам незадолго до твоего появления. Там, где они жили раньше, бледнолицые были врагами и убивали дакотов. Он просто все помнит.

Глаза Лэйса потемнели.

– Мне жаль, – коротко сказал он. И, не удержавшись, добавил: – Но я всего лишь Натаниэль Лэйс. За что же он меня так?..

Он замолчал и закусил губу. Он сказал лишнее. Он вообще слишком много сейчас чувствовал лишнего. Он испытывал боль, и усталость, и досаду, но все это не оправдывало захлестнувшей его вдруг обиды и чувства несправедливости мира. Это были не его заботы. Его попечением могло быть лишь только одно – иметь всегда стойкость. И благодарность Господу Богу – всегда и за все...

Текамсех посмотрел на него и прервал установившееся было молчание:

– За твои серо-голубые глаза и твою светлую кожу. Этого достаточно, поверь мне. Ты просто правда еще не знаешь жизни, Натти...

Лэйс вспомнил начало событий. Великолепную зеленую траву, великолепный солнечный свет. Синюю реку дакотов, несущую свои воды совсем рядом, так, что был слышен их шум. Холодные, ожесточенные слова Сколкза и свой ответ ему... Кем он был для него, чужой бледнолицый на этом берегу реки близ его индейского поселка? Лэйс все понял. Но он не хотел ничего понимать.

Вот только он не узнал сейчас и снова прозвучавшего после установившегося было молчания голоса своего друга, какого-то чужого и жесткого.

– Если ты первым полезешь с ним в драку, то ты больше не под моей защитой, Натаниэль, – сказал Текамсех. – Он дакота, а ты – бледнолицый. Я не буду предавать Сколкза. Получишь снова по носу, тогда так тебе и надо. Я всё сказал.

Лэйс поднял на него глаза. И снова посмотрел куда-то в сторону. Это было слишком. Это было выше его сил. Беспощадная жестокость врага и вместе с тем вот этот непоколебимый ультиматум друга. На его и так полную боли и смятения душу.

– Мы с тобой больше не друзья, – дрогнувшим, через силу сдержанным голосом ответил он. – Я больше не приду сюда. Пусть будет так, как хочет Сколкз, если его дружба тебе, оказывается, ближе и дороже моей...

– Перестань, Натаниэль, – уже прежним, обычным тоном заметил Текамсех. – У прерий есть закон выше закона мести. Мы с тобой братья по крови.

Лэйс молчал. Текамсех не понимал, ничего не понимал. Сейчас рушился мир, рушилась дружба, рушилась жизнь. За какое-то одно мгновение. Но ведь именно так и рушится всегда все хорошее между людьми. В пылу ярости и страсти. От гнева и гордости. Молчание, одно лишь только молчание тоненькой, слабой ниточкой удерживало сейчас эту их казалось бы крепкую, вечную дружбу. Текамсех взял его ладошку, пожал ее безмолвным напоминанием братства по крови. Но Натаниэль в ответ лишь непримиримым движением скинул его руку со своей. Ожесточенному и обиженному на весь мир, ему было сейчас все равно.

И все-таки Лэйс ведь вырос среди своих друзей и знал этот их простой и людской закон прерий. Жизнь, кровь, долг, доблесть и братство по крови, которое было выше жизни... Наверное, он вспомнил сейчас о другом. Если простая кровь так много значила, если простая символически пролитая кровь так много стоила, то он ведь был общник бытия святынь Таинства Причащения. *«Подобает научиться, – говорит святой Иоанн Златоуст, – чудному свойству и действию святых таин: что – они? для чего они преданы? какая польза от них? Мы – едино тело с телом Господа нашего Иисуса Христа, мы – „плоть от плоти Его, кость от костей“ Его (Быт. 2:23)».*

«Святые Христовы таины, будучи телом и кровию Богочеловека, будучи духом, сохраняют для телесных чувств наружный вид хлеба и вина. И видится хлеб и вино, и обоняваются хлеб и вино, и осязаются хлеб и вино, и вкушаются хлеб и вино...»

«Иже аще яст, – сказал великий Павел, – хлеб сей, или пьет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни...» (1Кор. 11:27) (Игнатий Брянчанинов. Из «Аскетической проповеди»).

III

Сколкз вернется еще сегодня на берег реки.

– Прости меня, Текамсех, – посмотрел он на друга и устроился на траве рядом с ним.

– Ты не хочешь попросить прощения у него? – заметил тот, кивнув головой в сторону Натаниэля.

– Я прошу прощения только у своих друзей, но не у врагов, – с непобедимой вескостью произносимых слов ответил Сколкз. – Я знаю, что причинил боль твоему сердцу своей несдержанностью. Но пока у нас с бледнолицыми мирное время, я больше никогда не трону твоего названного брата. Обещаю тебе. Ты знаешь, что слово Сколкза Крылатого Сокола твердо и непоколебимо.

Текамсех посмотрел на него, на Лэйса. Он понимал их обоих, и у каждого была своя правда, и оба были его друзьями. Он молча пожал протянутую руку Сколкза.

Лэйс смотрел в другую сторону. Наверное, слишком несправедливо, слишком обидно и больно. *«Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знаменем грудь; вспомни все, что происходило на кресте – и все погаснет...»* Это говорил Иоанн Златоуст. Но он не смог просто и равнодушно принять эти сегодняшние боль и кровь, он выказал столько самолюбия и строптивости, так разве он и правда не стоил всего случившегося? *«Отче наш, иже еси на небесех...»*

Яркие блики солнца сверкали на воде. Светлый, торжествующий пасхальный напев почему-то вспомнился и пришел на сердце. *«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем. Рцем, братия, и ненавидящим нас простим вся воскресением, и тако*

возопиим: Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав...»²⁵

Лэйс помнил. Лэйс понял сейчас: «Смотри часто на Иисуса: Он – пред убийцами Своими, как безгласный агнец пред стригущим его; Он предан смерти, как безответное овца на заклание. Не своди с Него очей – и растворятся твои страдания небесною, духовною сладостию; язвами Иисуса исцелятся язвы твоего сердца»²⁶.

«И хлеб, егоже Аз дам, Плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира. Ядый Мою плоть, и пий Мойю кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6:51, 56)». «Ничего большего не содержит в себе таинство, совершаемое в Пасху, пред тем, которое совершается теперь, – наставлял когда-то святитель Иоанн Златоуст против тех, которые недостойно или однажды только в год приступают к причащению Св. Таин. – Оно одно и то же; та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знают это те из вас, которые посвящены в тайны. И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мучеников – совершается одна и та же жертва. «Ибо всякий раз, – говорит, – когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете» (1Кор.11:26)»²⁷.

Но он сам сейчас со своим мятущимся и непокорным сердцем, в то время, когда ведь было написано: *«Не воспрекословит, не возопиет и никто не услышит голоса Его» (Мф.12:19) ... [Иоанн Кронштадский. Беседы о Блаженствах Евангельских].*

А река несла свои воды за поворот. Лэйс встал и перешел по другую сторону Текамсека, сел рядом со Сколкзом. Наверное, где-то там, в мире злобных духов поднебесья, какое-нибудь сонмище лукавнующих и торжествующих низверглось сейчас в своем поражении ниже земли, но он не знал этого. Он был всего лишь Натаниэль Лэйс, и он просто уже успокоился и теперь протянул руку Сколкзу:

– Я понял тебя. Если я сказал что-то не так, то я не хотел этого. Так просто получилось. Прости меня тоже.

Сколкз был озадачен, хотя и сам не мог признаться себе в этом. На него смотрели очень проникновенные серо-голубые глаза, и он не понимал, где теперь была та пылающая ярость и ожесточенность, которые он совсем недавно видел в них. Сколкз снова пожалел, что этот мальчишка по своему рождению принадлежит к чужой, ненавистой крови. Наверное, они могли бы стать друзьями. Откуда в нем столько мужества и силы, что он так спокоен сейчас и так беспристрастен к нему? Казалось, серо-голубой свет его глаз своими лучами растапливал сейчас лед непримиримого враждебного сердца, и Сколкз невольно накрыл его руку своей рукой.

Но человеческие страсти не знают логики, и Сколкз так и остался прежним Сколкзом.

– Я никогда не буду другом бледнолицего, даже такого смелого, стойкого и честного, как ты, – ответил он.

Сколкз убрал свою руку. Но прежние легкость и беззаботность по отношению к его ненависти снова уже вернулись к Лэйсу, и он ничуть не был обескуражен ответом.

– Как знаешь, – спокойно заметил он.

Они снова посмотрели друг на друга. Обычная холодная и пренебрежительная улыбка коснулась губ Сколкза. Они ничего не могли знать сейчас про Миннесоту, ничего не знали о том, что будет дальше. Сколкз не знал, что где-то там, среди миннесотских трав, этот светлоголовый его сверстник, тогда уже со своими капитанскими погонами, встанет перед ним на краю своей гибели, и в свете серо-голубых глаз, с щемящей болью души в них, все равно ведь будет лишь спокойное и бестрепетное принятие своей судьбы. Новый виток жизни, новый

²⁵ Стихира Пасхи.

²⁶ Игнатий (Брянчанинов).

²⁷ Иоанн Златоуст. Толкование на первое послание к Тимофею. Беседа 5.

круг судеб сведет тогда всех их троих снова. Но сейчас они ничего не знали. Сейчас Сколкз Крылатый Сокол встал и ушел.

– Ты никогда не сможешь стать хорошим воином, Маленький Сын Волка, если всегда будешь таким великодушным, как сегодня. Воину нужны ярость и беспощадность, – уничтожающе и презрительно бросил он Натаниэлю через плечо.

Он ушел, и Лэйс посмотрел теперь на Текамсеха. Текамсех понял, что со всей своей кажущейся беспристрастностью и справедливостью воина дакота, он, наверное, все это время просто ждал вот этого взгляда, в котором наконец уже не было горькой обиды на своего друга и жестокого отчаяния на все остальное...

– Не держи на меня тяжести на своем сердце за мои слова, мой младший брат, – заметил индеец. – Но я не хочу никаких кровей между своими друзьями, хотя бы сами они и ненавидели друг друга. Я должен был удержать тебя.

– Да и ладно, Текамсех, – как-то совсем просто и устало прозвучал сейчас голос Натаниэля.

Он смотрел уже на реку. Ясная прозрачная вода преломлялась на солнце и была кристально чиста в своей глубине. «Достойное по делам моим приемлю...» Вот ведь и все.

Натаниэль вздохнул и улегся в траву. Зеленые стебли опрокинулись в синее небо. Синее, синее, пронзительное, как бывает вдруг случайная печаль. Он молчал. Как будет молчать когда-то потом. Как будет молчать всегда. А впереди будут Север и Юг, будет Миннесота, осуждение и приговор на гибель, ни за что, просто за капитанские погоны и серо-голубые глаза, зеленая-зеленая трава и синяя небо, и неначатое, и недоконченное покаяние... Когда яркая листва сияет в солнечном свете, и предрешена судьба. Когда стоит перед своей гибелью совсем мальчишка, стойкий и полный силы. Когда зеленая трава и синее небо, и жестокая печаль, но откуда-то оттуда, из детства понятая истина кладет печать на сердце, на уста и мысли: «Достойное по делам моим приемлю...»

Когда-то она станет вдруг такой простой, такой понятной. Сокровенная тайна натального православного креста: *«Братия! у подножия Креста Христова сложим и погребем все понятия мира о чести, о обидах, о оскорблениях, о убытках, о несправедливости, о законах и правосудии. Соделаемся юродивыми ради Христа! подставим ланиты наши заплеваниям, заушениям! наша честь земная, ветхая, да посыплется прахом уничижений! не взглянем с пощадением и участием на тленное имущество наше: да расхищают и разносят его вихри, когда они будут пощущены! не пощадим плоти нашей в подвигах вольных и в страданиях невольных! научимся у Господа Иисуса Христа Его таинственному молчанию, которое есть возвышеннейшее богословие и красноречие, удивляющее Ангелов! Ему, Богу воплощенному, мир не воздал справедливости: нам ли искать ее от мира? Отречемся от нее у подножия Креста Христова! Не будем зверями, которые ловцов и других зверей, на них нападающих, угрызают и язвят! уподобимся Агнцу Божию здесь на земле, во время кратковременного нашего странствования земного, и Он соделает нас подобными Себе в вечности, где нашему блаженству не будет конца и меры. И здесь, в земном изгнании, к верному ученику Иисуса приходит Дух Святой, Утешитель, и навеивает на его душу несказанное блаженство будущей жизни, которое отъемлет от него чувство страданий и вводит в невидимое, не зависящее от человеков и обстоятельств наслаждение, пред которым все земные наслаждения, даже законные, – ничтожны» (Игнатий Брянчанинов).*

Зеленая-зеленая трава и сияние солнца. Это будет словно не он. Это скажет сам в себе кто-то другой. «Достойное по делам моим приемлю...» Откуда-то оттуда, из детства, или это будет молить за его душу Ангел-Хранитель... «Судьбы Господни истинны, оправданны вместе» (Пс.18:10). «Судьбам Твоим научи мя!» (Пс.118:108). Все возможное мужество, утешение и обетование. Все лучшее мужество, утешение и обетование... «Не две ли птицы ценятся

единым ассарием, – сказал Господь ученикам Своим, — и не едина от них падет на земли, без Отца вашего. Вам же и власи главнии вси изочтени суть. Не убойтесь убо» (Мф.10:29—30).

Лэйс не думал, что там будет дальше. Все будет. Все будет когда-то. А пока впереди был весь мир и вся жизнь. И только зеленая трава и синее небо словно одни лишь и были сейчас на всем свете.

– Ты чего так задумался, Натаниэль? – снова прервал Текамсех молчание. – Не слушай Сколкза, ты, конечно же, станешь замечательным воином...

Лэйс приподнялся.

– Не знаю. Но я все равно никогда не стану никаким воином. Я ведь не дакота. Стрелять я умею, драться тоже – если вдруг придется защищаться здесь в прериях, то этого и хватит.

– А жаль, потому что ты мог бы иметь и славу воина, – словно слово в слово с недавним высказыванием Сколкза сказал Текамсех.

Серо-голубые глаза будущего капитана с Потомакской армии чуть потемнели.

– Может быть. Но не это самое главное в жизни, – сказал он.

– Наверное, – согласился и Текамсех. – Ты всегда останешься моим другом и братом, все равно, станешь ли ты сам великим воином или же нет...

Небо, трава и деревья – все отражалось в реке, было опрокинуто с берега в воду. Всякая вражда, любая боль или ожесточенное воспоминание – все тонуло сейчас в великолепии и торжестве лесных далей. Друзья переглянулись между собой, и обычная легкая улыбка коснулась губ Лэйса. Натаниэль забыл уже про Сколкза. Он только вступал в этот мир и в свою взрослую жизнь, и для него все было просто. Господь был рядом, Господь сотворил этот мир, и жизнь была великолепна и не стоила вражды и ненависти. Жизнь – казалось, она вся была заключена в томике торжествующих и вдохновенных псалмов Давида царя, и изо дня в день сердце торжествовало и праздновало сокровенную радость ранних летних рассветов, снова и снова встающих ведь от востока:

«Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен руками и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клянется лестью искреннему своему. Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего. Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля. Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы» (Пс.23).

Жизнь – она ведь была такая простая и понятная, жизнь – это снова и снова щемящая печаль алых вечерних зорь разливалась по земле и захватывала душу, и почему-то было чего-то жаль, но завтра должен был наступить новый день, и где-то в самом сердце вдруг понимались и произносились оставленные царем и пророком Давидом на все времена и до скончания века всё одни и те же слова: *«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...» (Пс.50:1)*

IV

Мэдилин ничего не сказала, когда Натаниэль пришел в этот вечер домой. Ее сын был уже большой мальчик, и она знала это.

– Возьми другую рубашку, Натти, – всего лишь и заметила Мэдди.

И продолжила свое занятие шитьем, от которого на мгновение подняла голову, когда он вошел.

Все было как обычно, был самый обычный летний вечер, и лишь тайная печаль, казалось, наполнила тишину в горнице. Никто и никогда ведь не знает, что там на душе у другого чело-

века в такие минуты... И лишь отдельные случайные моменты приоткрывают иногда завесу этой тайны. Просто эта тишина, исполненная невысказанной печалью. Или просто блеснувшие тоскливым чувством из-под полуопущенных ресниц эти глаза... Но снова и снова сомкнуты губы, и снова и снова молчанием покрывается и принимается всё. Вот такая была Мэдилин Элеанор Лэйс.

Натаниэль между тем вернулся в комнату в другой рубашке и уже ничего не напоминало Мэдилин того, как он вошел. Он был спокоен и непринужден, всё как всегда, и она решила, что волноваться уже было не из-за чего.

– Ты снова был весь день где-то в своих лесах и прериях, и снова ничего не читал. И конечно же, даже и не вспоминал о том, чтобы взять в руки книгу, когда придешь домой, – заметила она.

Мэдилин не упрекала и не выговаривала, она просто говорила то, что есть.

– Знаю, – коротко согласился тот.

Он посмотрел за окно. Там, за окном, простирался великий, великолепный, непредсказуемый и манящий мир. В сиянии солнца, среди зеленой травы и ослепительно синего неба так легко было забыть обо всем. И он забывал. И тогда она, не зная, что сказать, просто напоминала:

– Натаниэль, так возьми же книгу и почитай тогда хотя бы сейчас. Ты ведь стал у меня уже почти взрослым, и я не могу постоянно напоминать тебе, у тебя своя совесть и свой выбор...

Тот отошел на другую сторону комнаты, взял книгу, вернулся и устроился рядом за столом. Раскрытая книга легла перед ним. Но Мэдилин видела, что мысли его были где-то далеко. Натаниэль пытался читать, перелистнул страницу, раскрыл книгу на следующей главе. Наконец он поднял голову, посмотрел вокруг, снова посмотрел на раскрытые страницы и сказал, глядя уже на нее:

– А Сколкз Крылатый Сокол мне сегодня сказал, что если бы я был дакота, я мог бы стать великим воином и иметь много славы и доблести...

Непривычный оттенок мечтательности наполнил его глаза. Мэдилин посмотрела на него, посмотрела за оконное стекло. Сердце ее вдруг накрыло тоской. То, что когда-нибудь должно было случиться, случилось. Ее недавний малыш узнавал мир и его соблазны. Слава, величие, блеск – кого только не взманили и не погубили они, и разве может кто-нибудь из мальчишек совсем не желать первенства и триумфов, вырасти равнодушным к почестям, наградам, успехам? Слава, всегда и во всем ведь вожаемая слава – вечное искушение всех и вся... Снова и снова все царства мира и славу их показывает диавол, и снова и снова звучат все те же его слова, как это написано в Святом Евангелии: *«Все это дам Тебе, если, нав, поклонишься мне»* (Мф.4:9)...

«Вот до какой дерзости дошел сатана: он присваивает себе власть над всем миром видимым, власть, единому Богу принадлежащую... Кто из нас, грешных, устоял бы против такого искушения? Нас не искушает враг целыми царствами: какой-нибудь грошовой вещи иногда достаточно, чтобы мы поклонились ему...» (Троицкие листки)

– *«Всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал»* (1Пет.1:24), – заметила Мэдилин. – Зачем тебе, Натти? Живи, как живешь, делай, что делаешь, ходи перед Богом, и как все будет – так все и будет. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Разве тебе мало этого мира, который сотворил для тебя Господь, этого солнца и этой зеленой травы, всех дарованных тебе талантов и успехов, что тебе еще нужна похвала и суетная человеческая слава?

– Но Сколкз вырастет и станет великим воином, Текамсех уже сейчас один из лучших охотников племени, Митег, Вамбли-Васте – все они будут первыми среди первых, а я так и останусь всегда всего лишь Натаниэлем Лэйсом... – с неподвзятой и искренней непосредственностью ответил тот.

Сегодня был нелегкий день. Все было где-то далеко, все стало воспоминанием, но усталость, несправедливость и обида с какой-то новой силой поднимались сейчас в душе. Правда, Лэйс уже молчал. Не такой у него был характер, чтобы слишком высказывать свои чувства. Он сорвался, высказался, но уже снова прикусил язык.

Мэдилин же задумалась. *«Колесницы гремящие – это суетная слава мира, это его великое. Пройдет оно, и замолкнет, потонет в море забвения. Что так ничтожно, как стук и скрип колес и железа в колесницах!»* (Игнатий Брянчанинов) Но где и какие слова могла она найти сейчас для своего ответа, такие ведь слова, чтобы этот ее ответ был услышан? Раскрытое Евангелие лежало перед ее сыном. Все было в этой книге. Только он не видел и не понимал этого.

...*«И как на слово матери никакого внимания не обратил сын, так и на скорбь детских сердечек никто, – ни мама, ни папа, – не посмотрит. И нет понятия, что жизнь – это подвиг крестный, где всегда надо приносить себя в жертву кому-то. И только для Бога и ради Бога и во славу Божию будет путь жизни во спасение. А у молодых всё – или личные похоти и амбиции, или жизнь не в жизнь...»* (Иоанн Крестьянкин)

– Хорошо, Натаниэль, – заметила тогда Мэдилин. – Скажи мне только, когда ты в последний раз открывал свой молитвослов и читал правило? Я нашла его как-то забытым здесь на столе и убрала на полку. Мне почему-то думается, что с того дня его уже никто не брал в руки.

– Я не помню, – коротко сказал Лэйс. – Когда-то очень давно.

– И когда ты был в последний раз на службе, ты тоже уже и не вспомнишь, – добавила она.

Натаниэль молчал и лишь кивнул головой. Любые слова сейчас были бы всего лишь словами оправдания, а всякие слова оправдания всегда были мерзостью и лицедейством.

– Может, ты все-таки будешь открывать и читать правило, как положено? – заметила Мэдилин. – Напряги свою волю, просто потому, что тебе этого не хочется. Не пропускай службы в храме, это тоже ответственность и дисциплина. На службе пытайся слушать и молиться, а не думать в это время о чем-нибудь своем. Сказал Господь: *«Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом»* (Лк.16:10). Не разменивай же своей души, своих желаний, Натти. Господь не оставит тебя без подвига. Всего будет с лихвой. *«И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* (Мф.10:38) ... На свете есть лишь одна правда – Святое Евангелие. Ты просто еще не знаешь жизни и ничего не понимаешь...

«Натти, Натти, – с грустью подумала она, – не знаешь ты, чего хочешь...» Слава, доблесть, блистательная стойкость – это были понятные и обычные мечты любого мальчишки. Но в ее памяти сейчас вставали строки из Святого Евангелия. «Пришли к Нему сыновья Зеведеевы (Ср. Мк.10:35), а вернее, *мать сыновей Зеведеевых* (Мф.20:20), говоря: *Скажи, чтобы сии сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем* (Мф.20:21). Просьба матери, хоть и безрассудна! Что же Христос? *Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, и креститься крещением, которым Я крещусь* (Мф.20:22; Мк.10:38)?» [Иоанн Златоуст]»

И были еще другие слова, слова из Евангелия от Луки: *«И Тебе Самой оружие пройдет душу...»* (Лк. 2:35)

Мэдилин прошептала где-то в глубине души: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

Как быстро летит время!.. Давно ли она носила на руках и водила за руку совсем ведь маленького Нафанаила к Причастию? И вот он вырос. Голубое небо прерий и сияние стали были вместе в цвете его глаз, дар крещения и чистые дары детства были где-то там, у него на сердце. Что он выберет в своей взрослой жизни, смогла ли она привести его к Богу? Ведь

все было так серьезно: *«Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится»* (Притч.22:6).

V

«Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф.19:13)

Это была правда. Мэдилин глядела на своих малышей и знала: это была правда. Но время шло, и дети подрастали, и вместе с ходом времени рушилась вся эта счастливая и преходящая идиллия ее жизни...

Наверное, она была никудышной матерью. Слишком жалостливой или просто беспринципной. Как бы то ни было, но перед глазами Мэдилин были ее дети, которые так незаметно стали ведь подростками. И если Хелен как-то самим собой понимала и службы в храме, и правила и догматы своей веры, то Натаниэля она, наверное, где-то упустила и недоглядела.

Конечно же, Мэдилин пыталась. Но что было, то и было. Натаниэль вырос и сейчас для него словно и не было храма. И книгу Святого Евангелия он тоже лишний раз не брал в руки. Все время приходилось напоминать, озадачивать. Когда-то она брала его маленького в храм. А потом он подрос. У него появился его друг Текамсех. Она понимала, что он будет скучать и уставать на службах. И, конечно же, ему многое было непонятно. И она отпустила его на волю. На так манившую его дикуую волю прерий. Природа – это ведь была раскрытая книга Бога, наверное, как-то так успокаивала себя Мэдилин.

У них в доме никогда не было обязательных правил по отношению к религии. Мэдилин всегда больше старалась о честности и нелицеприятии в своей семье. Потому что ее муж ведь не понимал храма и не брал в руки молитвословов. И это были не ее заботы. Она должна была всегда думать больше о другом. *«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом»* (1Пет.3:3,4). Разве не было сказано апостолом Павлом: *«Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?»* (1 Кор.7:16)

Но, наверное, во всем этом добром и мирном укладе всей обыденной жизни в доме она была слишком снисходительна к своему сыну. Мэдилин теперь понимала, что не приучила ведь его к храму, ни к чему не приучила.

«Учившаяся и недоучившаяся молодежь редко ходит в церковь, вообще не ведет дела воспитания своего духовного, считая его как бы не нужным и отдаваясь житейской суете. На это надо обратить внимание. Это плод гордости, неразвитости духовной. Считают посещение храма и богослужения общественным делом простого народа и женщин, забывая, что в храме со страхом служат вместе с людьми Ангелы и вменяют это себе в величайшее блаженство...» (Иоанн Кронштадтский)

Правда, все-таки иногда дома открывался забытый было молитвослов. Натаниэль готовился к Причастию. Может быть, так все пока и должно было быть, он ведь забывал и снова вспоминал, и он ведь еще был все-таки всего лишь подросшим ребенком. Жизнь неслась для него восхитительной и блистательной круговертью, рассветы сливались с новыми рассветами, и закаты вновь и вновь догорали над травами, чтобы завтра можно было прийти уже новому дню.

VI

– Я, наверное, понимаю тебя, Натаниэль, – снова заговорила Мэдилин. – Ты любишь эти прерии, свои успехи и приключения, но, знаешь, ты значит слишком увлекаешься всем этим,

если у тебя больше не остается времени ни на что другое. Я тебя больше не уговариваю, я просто говорю, чтобы с этой недели ты в воскресенье был в храме. Или тебе придется проститься со своими друзьями и своими приключениями в прериях, – неожиданно закончила она. – Я просто запрещаю тебе покидать ранчо. Прости и не обижайся, но будет так, как я сказала.

Мэдилин понимала, что это будет только внешняя сторона вопроса, если просто заставить Натаниэля, но что она еще могла сделать? Хотя бы вырвать его из той круговерти, в которой он пропадал с рассвета и до заката. Мэдилин молчала. И молчал Натаниэль.

– Я попробую сам, – услышала она наконец его прозвучавший голос. – И правило я тоже попробую читать. Слово друга Текамсеа Крепкой Пантеры.

– Очень хорошо, – с тайным облегчением на сердце заметила Мэдди, ожидающая сейчас его возможного ропота и непокорности и крепившаяся в своей душе на отстаивание своей родительской власти. И улыбнулась. – Знаешь, Натти, в Святом Евангелии есть замечательные строки: *«Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»* (Мф.5:37) ... Можешь не добавлять лишних уверений к своему обещанию. Главное – это честно исполнить его.

– Спасибо тебе, что мы поняли друг друга, – добавила она, – и не печалься о будущем, если это будет полезно для тебя, Бог устроит тебе славу великого воина, мой маленький друг дакотов, помнишь, как сказано: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф.6:33) ... Все у тебя будет хорошо, Натти.

Мэдилин взяла брошенную на спинку стула его рубашку и собралась выйти из комнаты. Как и всегда в подобных случаях, она снова не удержалась и внутренне содрогнулась, глянув на уже засохшие пятна крови. Ничего не произошло, Натаниэль был цел и невредим, но Мэдилин так и не смогла привыкнуть к таким моментам в его жизни.

Почему-то она вспомнила начало разговора. И имя, упомянутое ее сыном.

– Это был Сколкз? Я как-то видела тебя с ним, Натти, – догадалась она. – Конечно, когда-нибудь ваши любезные разговоры и должны были закончиться подобным образом.

Мэдилин несколько раз гостила у матери Текамсеа, и как-то в один из дней, спустившись напоить свою лошадь к реке, она поняла, что там, выше на берегу, где-то за ветками и осокой ее Натаниэль.

Она случайно услышала тогда один из их разговоров со Сколкзом.

– Когда я уже перестану постоянно встречать тебя на нашей земле? – с холодной и сдержанной неприязнью прозвучал голос его собеседника. – Ты не должен даже знать сюда дорогу, Маленький Сын Волка.

– Но я все равно друг Текамсеа, – послышался ответ другого.

– И так всегда, – тем же тоном продолжал Сколкз. – Ты никогда меня не поймешь и не послушаешь, но я все тебе сказал. Знай, что у меня для тебя никогда не будет пощады.

– Не будет – так не будет, я понял, – просто сказал Лэйс.

Сколкз отошел. Мэдилин вздохнула. Ее Натаниэль казался таким беззащитным перед грозным и яростным индейцем дакота.

Текамсех спрыгнул на прибрежный склон. Это тоже была случайная встреча. Он посмотрел на нее:

– Забудьте и не вспоминайте ничего из того, что вы здесь слышали, миссис. Натаниэль мой друг и Сколкз никогда не тронет его, – попытался он успокоить американскую леди, которая, как оказалось, стала сейчас непосредственной свидетельницей вражды Сколкза к ее сыну.

– Я знаю, Текамсех, всегда спасибо тебе, – вздохнула Мэдилин. – Поспешу к своему другу, он, наверное, уже давно потерял тебя, – улыбнулась она юному индейцу, справившись со своими нахлынувшими мыслями и чувствами, и пошла к своей лошади. Сильная, крепкая кобыла одним прыжком вынесла наездницу на откос, Мэдилин осадил ее и подняла на задние копыта, останавливая на месте уже ринувшееся было галопом животное, развернула назад.

– Текамсех, я забыла тебе сказать, что у нас на ранчо скоро праздник, и я жду тебя и остальных друзей моего сына в гости, – пригласила она.

Тот кивнул. Но он почти не слышал ее. Он смотрел на гарцующую лошадь и на хрупкую, легкую фигурку женщины, так легко и беззаботно справляющейся с этим мустангом и удерживавшей его.

– Я понял, миссис, откуда у вашего Натаниэля все его способности и его характер. Он просто истинный сын своей матери, – не удержался он.

– Я не стою такой похвалы, – невольно улыбнулась Мэдди. – Мне его таким даровал Господь.

Она помахала ему рукой и поскакала к себе на ранчо. Зеленая, зеленая трава и синее небо простирались вокруг... Мир, ее мир... Раскрытая книга земли, леса и солнечного света.

Мэдилин вернулась от этих воспоминаний в сегодняшний день. Когда это было? Наверное, несколько лет назад. Сколкз не знал, что с того дня где-то там, на ранчо, в сердце казалось бы кроткой и молчаливой женщины порой вспыхивала к нему такая же лютая и непримиримая ненависть, какая была и у него к Натаниэлю. Слепая ярость и беспощадная боль раненой волчицы, рвущейся порвать и убить за своего детеныша. Мэдилин вспоминала тот день, вспоминала лед и ненависть в глазах маленького индейца, и понимала: это было выше ее сил. В мире не было справедливости, в мире не было любви, мир утопал в ненависти и во зле, но при чем здесь был ее сын? Ее малыш, искренний, непосредственный, добрый Натти. И всегда рядом с ним Сколкз Крылатый Сокол, всегда где-то рядом гибель и опасность.

– Он больше не будет, – донесся до ее слуха беззаботный ответ Натаниэля. – Он сам пообещал Текамсеху. А если и будет, то я ведь все равно должен уметь переносить любую боль или кровь, как если бы был великим воином...

Но у Мэдилин уже была затронута та часть ее души, которая была словно запекшаяся рана. Горячие слезы уже были на глазах, и горячая печаль и горячая ярость – в сердце. Мэдилин отвернулась и посмотрела за окно. Что она видела там, сквозь эту вечернюю дымку? Может быть, бравого мальчишку с капитанскими погонами и весь его путь от Манассаса до Ричмонда и все, что будет потом у него в Миннесоте? Знала ли она, догадывалась ли она сейчас своим тонким чутьем материнского сердца? Нет, конечно же, нет. Она видела лишь спускающийся вечер и великолепие мира. И просто чувствовала свою неизмеримую и горькую скорбь.

Мэдилин спохватилась, и когда повернулась обратно к глубине комнаты, ее глаза уже сияли прежним мягким светом. Это было невозможно, но это была ее тайна, этот всегда сдержанный и спокойный характер. *«Обышедшие обыдоша мя (враги и страсти), и именем Господним противляхся им» (Пс.117:11).*

– Сколкз так Сколкз, – просто сказала она. – С нами Господь...

Натаниэль между тем отыскал свой забытый молитвослов и отправился к себе наверх. Завтра был новый замечательный день, и завтра надо было очень много успеть. Мэдилин невольно вздохнула о нем со смешанным чувством нежной улыбки и щемящей грусти.

«Натаниэль», «дар Божий», ее любимый малыш, ее дорогой и смелый мальчуган со своим боевым характером. Маленький Сын Волка, как иногда называли его дакоты. И сын своего отца Рэндольфа, все значение имени которого составляли ведь два таких звонких и звучных слова: «щит», «волк»... Сквозь дали времен и веков, из поколения в поколение передавалась все одна и та же кровь, все один и тот же пыл гордости, завоеваний и стяжания славы... Вечный круг жизни и смерти. Но почти с самого своего рождения ее Натаниэль уже ведь был не просто поросль своих родителей, но крещенный от воды и Духа. *«Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, не от похоти плотския, но от Бога родишася» (Ин. 1:12—13).* Только вот понимает ли он сам не внешнюю форму, но самую истину христианства, останется ли и сейчас, и дальше в постоянстве и в повседневной искренности? А помнит ли она? Не забывает ли она сама постоянно?

«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.

Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк.1:1—3).²⁸

VII

«Прозябает трава, и является зелень, и собирают горные травы.

Овцы – на одежду тебе, и козлы – на покупку поля.

И довольно козьего молока в пищу тебе, в пищу домашним твоим и на продовольствие служанкам твоим» (Притч. 27:25—27).

Наверное, вот так Мэдилин все было просто. Она просто любила прерии. Просто любила, как звонят колокола к праздничной службе. Просто занималась домом, растила детей, пропадала в делах на ранчо. А еще счастье – оно всегда было счастье...

Просто в небо снова и снова вставало рассветное солнце, и снова утренняя роса сияла и переливалась на зеленой траве. «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь. День дни отрыгает глагол и ночь ночи возвещает разум...»

«О странник земной! взгляни на природу, на эту гостиницу и странноприимницу, в которую ты помещен на кратчайший срок, на срок земной жизни, – взгляни на нее из чистоты ума, образуемой добродетельною жизнью и устранением себя от жизни скотоподобной, – взгляни на обилие благ, которыми ты обставлен! От такого воззрения естественно душа исполняется благодарения Богу. Это совершилось со всеми, созерцавшими природу из настроения, доставляемого христианскою жизнью. Предрек о них Пророк: «Память множества благости Твоя отрыгнут и правдою Твоею возрадуются. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Благ Господь всяческих, и щедроты Его на всех делах Его. Да исповедятся Тебе, Господи, вся дела Твоя, и преподобнии Твои да благословят Тя» (Пс. 144:7—10)» (Игнатий Брянчанинов).

Это была жизнь, ее счастливая и радостная жизнь – раскрытая книга бизоновых трав прерий и снова и снова раскрываемая в руках книга Святого Евангелия. *«Страннику земному на трудном пути его, чтобы он не заблудился, воспевается духовная песнь. Содержание ее: «Воля Божия, святейшие заповеди и веления Божии» (Игнатий Брянчанинов).*

Но иногда все вставало перед глазами, и она понимала, что устала... Хотелось легче, хотелось проще... А еще ведь хотелось самого главного – не переживать за сына... И чтобы никогда не пришлось отдать бы его на закланию этому миру, чего ты ведь никогда не знаешь, как все будет и какими судьбами... Как сейчас этот случай со Сколзком. Нет-нет, но что-нибудь да и становилось всегда в жизни той соломинкой, которая переломила спину верблюда в известной пословице.

Мэдилин снова отошла к окну. Заходящее солнце бросало свои косые лучи на землю. Такие же косые лучи лежали на зеленой траве, когда сбившегося в ближнем лесу с дороги маленького Натаниэля привел тогда к дому его новый друг Текамсех. Словно те же самые солнечные лучи падали на землю сейчас. Такое же солнце будет литься на землю, когда она впервые увидит своего Ната в его уже синей кадетской форме. Когда будет писать ему потом письма в далекую Виргинию куда-то под Манассас или Спотсильвейни. И такой же солнечный свет будет заливать этот мир, когда Натаниэль должен будет предстать на завтра перед советом пле-

²⁸ «Что это за путь? Какие это стези? Это – образ мыслей человеческих; это – сердечные чувствования и стремления человека. Чтoб принять Господа, надо иметь способный для того, благоустроенный образ мыслей; чтобы принять Господа, надо иметь сердечное произволение к тому, надо иметь смиренные чувствования» (Игнатий Брянчанинов. Из «Аскетической проповеди»).

мени дакотов, уже заведомо осужденный на гибель своими капитанскими погонами... Такой же вечерний солнечный свет будет снова и тогда, только она в тот момент просто не будет знать ничего.

Мэдилин не знала. Мэдилин не догадывалась. Мэдилин знала только слова святого Апостола: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите...» (1Фес. 5, 16—18)

«Слышали вы слова Апостола, с которыми обращается он к фессалоникийцам, предписывая закон для целой жизни; потому что учение преподавалось тем, которые когда-либо обращались с Апостолом, польза же учения простирается на всю человеческую жизнь. «Всегда радуйтесь, – говорит он, – непрестанно молитесь. О всем благодарите» (1Фес. 5, 16—18) (Василий Великий. Из беседы 4. «О благодарении»).

VIII

«Братия! Будем возделывать невидимый подвиг благодарения и славословия Бога. Подвиг этот напоминает нам забытого нами Бога; подвиг этот откроет нам сокрывшееся от нас величие Бога, откроет неизреченные и неисчислимыя благодеяния Его к людям вообще и к каждому человеку в частности; подвиг этот насадит в нас живую веру в Бога; подвиг этот даст нам Бога, Которого нет у нас, Которого отняли у нас наша холодность к Нему, наше невнимание» (Игнатий Брянчанинов. Из «Аскетической проповеди»).

Мэдди подошла к полке с книгами. Дети выросли. Так незаметно и так быстро. Она и не заметила, как куда-то в прошлое ушла ее прежняя близость, прежняя задушевность со своими малышами. «Суета сует, все суета...» – подумала Мэдди. Она словно запленила все собой, эта суета. Некогда остановиться. Некогда прислушаться. Некогда вникнуть в мир и переживания своих повзрослевших детей.

Вот, она нашла, что искала и заложила страницу, чтобы не потерять. Нату должна будет оказаться интересной эта повесть. *«Они были офицеры и простые воины, неустрашимые на поле брани, благочестивые и сведущие в Божественном Писании...» (Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Из «Бесед о Блаженствах Евангельских»).*

Натаниэль не спал, когда она тихонько постучалась к нему. Мэдди переставила лампу, раскрыла книгу и начала читать вслух у его изголовья, как когда-то давно, когда он был совсем малышом. Это было так неожиданно и непривычно, но в этом сегодняшнем дне, пожалуй, уже было возможно все.

IX

«Страстоносцы всечестнии, воины Христовы четыредесяте, тверди оружницы: сквозе бо огонь и воду проидосте, и ангелом сограждане бысте. С ними же молитесь Христу о иже верою хвалящих вас: слава давшему вам крепость, слава венчавшему вас, слава подававшему вам всем исцеления».²⁹

Голос Мэдилин замолк с последней перевернутой страницей. Сумерки же за окном уже совсем сгустились. О чем-то своем думал Натаниэль, о чем-то своем думала она. Или, может быть, об одном и том же? О том, что ведь всякие чувства и обиды, и ненависть – какая же во всем этом была мелочность: *«Грешны пред Богом ропот, нетерпеливость, малодушие, особливо же отчаяние, – уродливые чада преступного неверия» (Брянчанинов).*

Вот это были времена, вот это была вера... Мэдилин почему-то вспомнила совсем другие строки, совсем по-другому поводу, но как они, наверное, подходили сейчас и к ее мыслям.

²⁹ Тропарь 40 мученикам Севастийским. Димитрий Ростовский. «Страдание святых сорока мучеников, в армянской Севастии». Житие 225. Память (9) 22 марта).

*«...Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри – не вы...» (Лермонтов)*

Книга прерий была накрыта сейчас покровом ночи. Книга прерий озарится завтра новым рассветом. И все ведь было так понятно и просто по этой книге зеленых бизоновых трав, новых весен и прошлых зим, вечерних закатов земли и завтрашнего утреннего восхода.

«Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила.

Если, пленяясь их красотой, они почитали их за богов, то должны были бы познать, сколько лучше их Господь, ибо Он, Виновник красоты, создал их.

А если удивлялись силе и действию их, то должны были бы узнать из них, сколько могущественнее Тот, Кто сотворил их;

ибо от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Прем.13:1—5).

Мэдилин посидела еще немного рядом с сыном и тихонько ушла. Выглянула во двор. Наступала ночь. Темная и тихая. Она стояла под звездами и в горьковатом и пряном запахе вечерних трав. Все успокоилось уже и на душе. Словно бы и не было всех ее недавних переживаний, боли, ярости. Мэдилин словно перевела дыхание. Глупая, не сама ли она придумала себе все свои страхи и тревогу? Все будет так, как будет. Но сейчас все было так спокойно в этой ночи. *«Вечер водворится плачь, и завтра радость» (Пс.29:5)* ... Что-то там будет дальше. Она не знала. Никто не знал.

«Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурейо...»³⁰, – почему-то вспомнила и подумала сейчас Мэдилин.

«Такова наша жизнь! В ней тишина и буря сменяют одна другую; а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности.

Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно так изменчиво! Взоры, для которых доступно небо, – вера; ею мы усматриваем духовное небо – учение Христово. На этом небе сияет Евангелие – как солнце, Ветхий Завет – как луна, писания святых отцов – как звезды» (Игнатий Брянчанинов).

³⁰ Ирмос 6-й песни канона 6-го гласа.

«Блажен муж...»

Поет вдохновенный Божественный певец, ударяет в звучные струны.

Когда оглушал меня шум мира, я не мог внимать ему. Теперь, в тишине уединения, начинаю прислушиваться к певцу таинственному. И звуки, и песнь его делаются мне как бы понятнее. Как бы открывается во мне новая способность, способность внимать ему и способность понимать его. Расслушиваю в звуках его новое чувство, в словах – новый смысл, дивный, дивный, как Божия премудрость.

«Саул! престань неистовствовать: да отступит от тебя дух лукавый...» поет святой Давид, бряцает в стройные гусли.

Саулом называю мой ум, тревожимый, возмущаемый помышлениями, исходящими от миродержца. Он – ум мой – поставлен Богом при установлении царства израильского – при сотворении, и потом при искуплении человека – в царя, владыку души и тела; преслушанием Богу, нарушением заповедей Божиих, нарушением единения с Богом он лишил себя достоинства и благодати. Душевные и телесные силы ему не покорны; сам он под влиянием лукавого духа.

Поет святой Давид, вещает слова неба. И звуки псалтири его – звуки небесные! Предмет песнопения: блаженство человека.

Братия, послушаем учение Божественного, изложенное в Божественном песнопении. Послушаем глаголов, послушаем звуков, которыми глаголет, которыми гремит к нам небо.

О вы, ищущие счастья, гонящиеся за удовольствиями, жаждущие наслаждений! придите: послушайте священной песни, послушайте учения спасительного. Доколе вам скитаться, рыскать по долам и горам, по непроходимым пустыням и дебрям? Доколе мучить себя трудом непрестанным и тщетным, не венчаемым никакими плодами, никакими приобретениями прочными? Склоните покорное ухо: послушайте, что говорит Дух Святый устами Давида о человеческом блаженстве, к которому стремятся, которого алчут все человеки.

Да умолкнет все кругом меня! и внутри меня да умолкнут самые помышления мои! да молчит сердце! Да живет, действует одно благоговейное внимание! да входят в душу, при посредстве его, святые впечатления и мысли!

Был Давид царем и не сказал, что престол царей – престол блаженства человеческого.

Был Давид полководцем и героем; от юных лет до старости препирался с иноплеменниками в кровавых сечах; сколько дал битв, столько одержал побед; на берега Евфрата с берегов Иордана передвинул границы своего царства и не сказал, что в славе победоносца и завоевателя – блаженство человека.

Собрал Давид бесчисленное богатство, собрал его мечом своим. Золото лежало в кладовых его как бы медь, а серебро накидано в них было как бы чугун. Но не сказал Давид, что в богатстве – блаженство человека.

Имел Давид все земные утешения; ни в одном из них не признал блаженства человеческого.

Когда Давид был отроком, когда занятием его было – пасти овец отца его Иессея: внезапно, по повелению Божию, приходит пророк Самуил, святым елеем помазует убогого пастуха в царя израильскому народу. Час помазания своего на царство Давид не назвал часом блаженства.

Дни детства проводил Давид в пустыне дикой. Там мышцы его начали ощущать в себе доблесть мышц богатыря: без оружия, с одними руками, кидался он на льва и медведя, удавлял льва и медведя. Там душу его начало двигать, наполнять небесное вдохновение. Руки, сокрушавшие льва и медведя, устроили псалтирь, прикасались к струнам, напряженным и приведенным в согласие действием Духа: издались гармонические, усадительные, духовные, разум-

ные звуки. Далеко, далеко, чрез времена, чрез столетия и тысячелетия, понеслись эти звуки, повторились и повторяются бесчисленными голосами, прославили имя Давида по всем концам земли, по всем векам ее христианского быта. Жизни пустынной, жизни, полной подвигов чудных, чудного вдохновения, Давид не назвал блаженством человека.

«Блажен муж», воспевают он, – в каком бы месте, в каком бы звании, в каком бы состоянии и сани ни был этот муж, «иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе» (Пс. 1, 1).

«Блажен муж», который хранится от греха, который отражает от себя грех, в каком бы образе, в каком бы облачении не предстал ему грех: предстанет ли он в беззаконном поступке, представится ли в помышлении, советующем беззаконие или в чувстве, приносящем наслаждение, упоение греховное.

Если с таким крепким мужеством слабая жена отражает от себя грех: то и она «блажен муж», воспетый Давидом.

Участники этого блаженства, участники мужеского о Христе возраста – отроки и дети, твердо противостоящие греху. Нет лицепрятия у правосудного Бога.

«Блажен муж», которого вся воля в Законе Божиим (Пс. 1, 2). Блаженно сердце, созревшее в познании воли Божией, увидевшее «яко благ Господь» (Пс. 33, 9), стяжавшее это видение вкушением заповедей Господних, соединившее волю свою с волей Господа. Такое сердце: муж. Блаженно сердце, разжненное ревностью Божественною! Блаженно сердце, сгорающее ненасытимым желанием воли Божией! Блаженно сердце, сладостно и нестерпимо страждущее любви к Богу! Такое сердце: место, селение, чертог, престол блаженства!.. Сидит с раннего утра орел на вершине высокого утеса; сверкающие очи его жадно ищут добычи; потом он поднимается в синее небо, плавает, распростерши широкие крылья, в обширных пространствах; ищет добычи. Когда увидит ее, – стрелой, молнией, спускается на нее, другой стрелой подымается с нею, исчезает. Накормил он птенцов своих и снова на страже своей: на скале или в небе. Таково сердце, заразившееся язвою неисцельною любви к заповедям Бога! И в этой-то любви – блаженство. В заповедях – не одно делание: в них сокровен и при посредстве их является духовный разум. «От заповедей Твоих разумех», – говорит Пророк. «Всем сердцем взысках тебе... Путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое!.. Поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело!.. Благ мне закон уст Твоих паче тысящ злата и серебра!.. Возлюбих заповеди Твои паче злата и топазия!.. В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе!.. Возрадуяся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу!.. Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех» (Пс. 118:104, 10, 32, 47, 72, 127, 11, 162, 35).

Восходит солнце: люди спешат к занятиям своим. У каждого своя цель, свое намерение. Что душа в теле, то цель и намерение во всяком человеческом занятии. Один трудится, заботится для снискания тленных сокровищ; другой – для доставления себе обильных наслаждений; иной – для приобретения земной, суетной славы; наконец, иной говорит, думает, что его действия имеют целью государственную и общественную пользу. Наперсник Закона Божия во всех упражнениях, во всех делах своих имеет целию богоугодие. Мир обращается для него в книгу заповедей Господних. Прочитывает он эту книгу делами, поведением, жизнью. Сердце его чем более прочитывает эту книгу, тем более просвещается духовным разумом, тем более разгорячается к течению по пути благочестия и добродетели. Оно стяжает огненные крылья веры, начинает попираť всякий страх враждебный, переноситься через всякую пропасть, дерзает на всякое благое начинание. Блаженно такое сердце! Такое сердце: «блажен муж».

Приходит ночь с ее тенями, с бледным светом, который издают ночные светильники неба, собирает людей с поверхности земной в их шатры, в их приюты. В этих приютах скука, пустота души стараются заглушить свое мучение безумным развлечением; праздность, испорченность нравов предаются шумным увеселениям, и сосуды храма Божия – ум, сердце, тело – употреблены Валтасаром на употребление преступное. Раб земли, раб временных житейских попече-

ний, едва вырвавшийся из забот, в которых он утонул в течение дня, готовится в тишине ночной новые заботы к следующему дню; и дни его, и ночи, вся жизнь – жертва суете и тлению. Теплится смиренная лампада пред святыми иконами, разливает томный свет в ложнице праведника. И он со своей заботой, с непрестанным, с скупающим его попечением. Он приносит в ложницу воспоминание дневной деятельности своей; сличает ее с скрижалями, на которых начертана откровенная человеку воля Бога, – с Писанием; недостатки в своих поступках, в помышлениях, в сердечных движениях врачует покаянием, омывает слезами; для возобновления и усиления подвигов просит у Неба новых сил, нового света. Благодатный свет, вышеестественная сила нисходит от Бога в душу, приносящую молитвы с болезненным ощущением нищеты, слабости, удобопадательности человеческой. Так «день дни отрыгает глагол, и ночь ночи возвещает разум» (Пс. 18, 3). Такая жизнь – непрестанный успех, непрерывные приобретения, приобретения вечные. Так живущий: «блажен муж».

И будет этот муж «яко древо насажденное при исходящих вод» (Пс. 1:3). Такое древо не боится палящих лучей солнца, не боится засухи: корни его всегда напитаны влагою; не ждут они дождей, не терпят никогда недостатка в питании, того недостатка, от которого древо, растущие на горных и сухих местах, часто болят, часто вянут, умирают. Древу, растущему на высоте, открытому для влияний ветров и солнца, изредка пьющему дождь небесный, изредка освежающемуся росой небесною, подобен человек, расположенный к благочестию, но ведущий жизнь невнимательную, рассеянную, мало и поверхностно занимающийся изучением Закона Божия. Иногда и он освежается росой умиления; иногда и на его иссохшую душу падает живительный слезный дождь покаяния; иногда и его ум и сердце возбуждены движением к Богу; но это состояние не бывает, не может быть постоянным, даже продолжительным. Мысли и ощущения религиозные, когда не просвещены ясным и полным познанием воли Божией, не имеют никакой определенности, никакой основательности и потому не имеют силы и жизни. Поучающийся в Законе Божиим день и ночь подобен древу, насажденному «при исходящих вод». Непрестанно бьют у самых корней его прохладные свежие воды; непрестанно его ум и сердце – эти корни человека – погружены в Закон Божий, напаяются святым Законом Божиим; непрестанно кипят для него чистые, полные силы струи жизни вечной. Эти воды, эта сила, эта жизнь: Дух Святой, обитающий в Священном и святом Писании, обитающий в заповедях Евангелия. Кто углубляется постоянно в Писание, изучает его в смирении духа, испрашивая у Бога разумение молитвою; кто направляет по евангельским заповедям все дела свои, все сокровенные движения души: тот непременно соделяется причастником живущего в них Святого Духа. «Причастник Аз есмь, – возвестил о Себе Дух Святой, – всем боящимся Тебе и хранящим заповеди Твоя» (Пс. 118, 63).

Изучение Закона Божия требует терпения. Это изучение есть стяжание души своей: «в терпении вашем, – повелевает Господь, – стяжите души ваша» (Лк. 21, 19). Это – наука из наук! Это – небесная наука! Это – наука, сообщенная человеку Богом! Стези ее совершенно отделены от тех обыкновенных стезь, которыми идут науки земные, науки человеческие, науки, рожденные нашим падшим разумом из собственного его света, для нашего состояния в падении. Кичат, напыщают ум науки человеческие, осуществляют, растят человеческое я! Божественная наука открывается душе, предуготовленной, сотронутой, углаженной самоотвержением, как бы лишившейся самобытности по причине своего смирения, содевающейся зеркалом, не имеющим никакого собственного вида, способным по этой причине принимать и отражать Божественные начертания. Божественная наука – Премудрость Божия, Божие Слово. Говорит о ней сын Сирахов: «Премудрость сыны своя вознесе, и заступает ищущих ее. Любяй ю любит жизнь, и утренюющий к ней исполнятся веселия; держайся ея наследит славу, и идеже входит, благословит его Господь; служащий ей послужат Святому, и любящих ю любит Господь; слушающий ея судити имать языки, и внимаяй ей вселится надеявся». Такова Божественная наука! Такова премудрость Божия! Она – откровение Божие! В ней – Бог! К ней

доступ – смирением! к ней доступ – отвержением своего разума! неприступна она для разума человеческого! отвергнут он ею, признан безумием! И он, дерзостный, гордый враг ее, богохульно признает ее юродством, соблазняется на нее за то, что она явилась человекам на кресте и озаряет их с креста. Доступ к ней самоотвержением! Доступ к ней распятием! Доступ к ней – верой! Продолжает сын Сираха: «Аще уверуеши, наследиши ю» (Сир. 4, 12—17).

Истинная, Богоугодная вера, в которой нет никакой лести и обмана, заключается в исполнении заповедей Евангелия, в трудолюбивом и постоянном насаждении их в душе своей, в борьбе с разумом, с богопротивными ощущениями, движениями сердца и тела. И разум, и сердце, и тело падшего человека враждебно настроены к Закону Божию. Разум падший не приемлет разума Божия; падшее сердце противится воле Божией; само тело, подвергшись тлению, стяжало свою отдельную волю, данную ему грехопадением, обильно сообщившим человеку смертоносное познание добра и зла. Тесен и прискорбен путь наш к премудрости Божией! ведет нас к ней святая вера, попирая, сокрушая противодействие и разума, и сердца, и тела падших. Здесь нужно терпение! Здесь нужны твердость, постоянство, долготерпение! «В терпении вашем стяжите души ваши». Кто хочет принести плод духовный, – да совершит с терпением продолжительную, преисполненную различных переворотов и бед войну против греха! Тот только может узреть плод Духа на древе души своей, кто возлежит этот плод святой, нежный, многим и мужественным терпением! Послушаем, послушаем еще Премудрого! «Премудрость, – вещает он, – стропотно ходит с ним» – учеником своим – «в первых, боязнь же и страх наведет нань. И помучит его в наказании своем: дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиях своих. И паки возвратится прямо к нему, и возвеселит его: и откроет ему тайны своя» (Сир. 4, 18—21).

Проходят дни, месяцы, годы, настает «свое время», время, известное Богу, «положившему времена и лета во власти Своей» (Деян. 1, 7), и «древо, насажденное при исходящих водах», приносит плод свой. Этот плод – явственное причастие Святого Духа, обетованное Сыном Божиим всем истинно-верующим в Него. Благолепен, дивен плод Духа! изменяет всего человека! Переносится Священное Писание из книги в душу; начертываются невидимым перстом на ее скрижалях – на уме и сердце – слово Бога и воля Бога, Слово и Дух. Совершается над таким человеком обетованное Сыном Божиим: «реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, Его же хотяху приимати верующии во имя Его» (Ин. 7, 38—39), – объясняет слово Спасителя возлюбленный ученик Его, наперсник Премудрости и подаемого Ею Богословия. Самый «лист» такого древа «не отпадет» (Пс. 1, 3). Лист, по учению Отцов, – телесные подвиги: и они получают свою цену, нетление и жизнь, по обновлении, возрождении души Духом Святым. Воля такого человека сливается воедино с волею Божиею: он желает одного угодного Богу, исполняет одну только волю Божию. Потому-то он имеет Бога споспешником во всех своих начинаниях «и вся, елика творит, успеет» (Пс. 1, 3).

Не такое подобие для нечестивых! не сравнивает их вдохновенный Давид с древами или с чем другим, имеющим свойство, признаки жизни! Другое, другое для них сравнение! «Не тако, нечестивии, не тако, – воспевают царственный Пророк, – но яко прах, егоже возмещает ветер от лица земли» (Пс. 1, 4). Нечестивые! вы – пыль безжизненная, поднятая вихрем бурным – шумною суетою мира – с лица земли, крутящаяся в воздухе, несущаяся густым, заслоняющим солнце, всю природу облаком.

Не смотри на это облако! не верь обману очей твоих! для них пустая пыль, ничтожная пыль ложно представляется облаком. Закрой на минуту глаза, и пролетит облако пыли, носимое сильным мгновенным дыханием вихря, не повредив твоего зрения. Через минуту ты откроешь очи, посмотришь – где облако обширное? поищешь его следа, и нет облака, нет после него никакого следа, нет никакого признака бытия его.

Грозной песнию, грозными звуками продолжает Давид изрекать грозное, роковое определение на нечестивых. «Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет

праведных» (Пс. 1, 5). Нет участия для нечестивых «в воскресении первом» (Апок. 20), которое описал святой Иоанн в Апокалипсисе, в воскресении духовном, совершающемся во время земной жизни, когда прикоснется к душе вседетельный Дух и обновит ее в пакибытие. Воскресает душа, оживает в жизнь Божественную. Ее ум и сердце просвещаются, соделываются причастниками духовного разума. «Духовный разум – ощущение живота бессмертного», – по определению Духоносцев. Самый этот разум – признак воскресения. Так, напротив, плотское мудрование – невидимая смерть души (Рим. 8, 6). Духовный разум – действие Святаго Духа. Он видит грех, видит страсти в себе и других, видит свою душу и души других, видит сети миродержителя, низлагает всякое помышление, взимающееся на разум Христов, отражает от себя грех, в каком бы видоизменении он не приблизился: потому что духовный разум – царство, свет Святаго Духа в уме и сердце. «Не воскреснут нечестивии» для духовного рассуждения! Это рассуждение – «совет» одних «праведных», их достояние. Оно неприступно, непостижимо для нечестивых и грешных. Оно – Боговидение, и только «чистии сердцем узрят Бога» (Мф. 5, 8).

Путь нечестивых ненавистен Богу, столько чужд и мерзок Ему, что Писание представляет Бога отворачившимся от него, как бы не знающим его. Напротив того, путь правды столько приятен Богу, что Писание говорит о нем: «Весть Господь путь праведных» (Пс. 1, 6). И точно Он един весть этот путь! Блаженный путь! ты приводишь к Богу! ты сокровен в бесконечном Боге! твое начало – Бог, и конец твой – Бог! Ты бесконечен, как бесконечен Бог.

Путь нечестивых имеет грань, имеет горестный предел! Эта грань на краю глубокой, мрачной пропасти, вечного хранилища вечной смерти. И «погибнет» он – путь нечестивых – навсегда в этой страшной пропасти, приведши наперед к ней и погубивши в ней всех шествовавших им.

«Весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» (Пс. 1, 6). «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», не увлекается их образом мыслей, их нравственными правилами, их поведением, «но в законе Господни вся воля его.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.